

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 27

Независимое Издательство

Аннотация

«Как только в вашем сознании возникает одна мысль сомнения, земля становится преградой для вас. Как только в вашем сознании возникает одна гневная мысль, огонь начинает обжигать вас. Как только в вашем сознании возникает одна радостная мысль, ветер начинает дуть на вас..» (С)

Мысли - это неотъемлемая часть нашей жизни, мысль руководит нашим сознанием. В сборнике «Сокровенные мысли» мы собрали авторов, проза которых заставит каждого из Вас глубоко окунуться в мир непостижимого, которым мы окружены.

ISBN: 978-1-716-33526-6

УДК: 1751

Budapest 2020

Итоги конкурса

1 место: Ольга Ануфриева

(Творческий псевдоним: Егор Александров)

Дополнительная информация от первого лица:

Егор Александров - творческий псевдоним. Настоящее имя Ануфриева Ольга. Родилась в конце 80-х годов 20 века в самом красивом городе России - в Ленинграде. Закончила РГПУ им.А.И. Герцена и НовГУ имени Ярослава Мудрого (историк и юрист).

Сейчас проживаю в первой древнерусской столице нашего государства – в Великом Новгороде. Преподаватель СПО. Занимаюсь прозой со времён обучения в университете. Являюсь членом Российского союза писателей.

2 место: Наталья Зарубина

(Творческий псевдоним: Адарина Наталья)

Дополнительная информация от первого лица:

44 года. Родилась и живу в г. Новосибирске. Стихи писать начала с 6 лет. Прозой увлеклась сравнительно недавно. Иногда участвовала в различных конкурсах и фестивалях:

2011 г. номинирована на премию «Поэт года»;

2015 г. III место - II открытый сибирский поэтический фестиваль памяти Анатолия Бондарева в номинации парус вдохновения;

2019 г. Осенний поэтический марафон - 2019, посвященный году театра в России, развитию искусств в Сибири - диплом III степени в номинации «Солнце поэзии одно на всех».

3 место: Игорь Вайсман

Дополнительная информация от первого лица:

Вайсман Игорь Серафимович — публицист, сатирик и прозаик. Родился в 1954 году. В 1977 году закончил Башкирский государственный университет. Проживает в городе Уфа. Член Российского Союза писателей.

Творческая биография:

Публиковался в литературном журнале «Бельские просторы» (г.Уфа): («Книговорот», «Свидание», «Котенок где-то пищит», «Жизнь дала трещину» и «Хроника уфимской литературной жизни»); еженедельнике «Истоки» (г.Уфа): (порядка 20 публикаций); сатирическом журнале «Вилы» (г.Уфа): (порядка 25 публикаций); Общественной электронной газете Республики Башкортостан; газете «Экономика и мы» и других Изданиях. Дипломант нескольких литературных конкурсов.

Рассказы печатались во многих антологиях современной прозы, изданных в Москве, Уфе и других городах Российской Федерации. Автор рассказов, повестей: «Книговорот», «Достоверная история Константиныча, прозванного Антиказановой», «Солярис где-то здесь», «Про светлое будущее», «Третья мировая война», романа «Герой вне формата, или Пародист».

Автор книг: «Книговорот» (Изд. «Десятая муза», г.Саратов, 2016), «Постиндустриальная баллада» (Изд. «Десятая муза», г.Саратов, 2017), публицистического сборника «Может ли Россия стать образцом для всего человечества?» (г.Москва, 2019).

Содержание

Егор Александров	6
Адарина Наталья	13
Игорь Вайсман	29
Вадим Мальцев	52
Наталья Мейн	57
Регина Зайнуллина	69
Татьяна Воронова	75
Елена Кёрн	88
Валерий Ларичев	92
Контактная информация авторов	109

Егор Александров

Повесть воина. Страж храма

Трагедия Иши

«Зачем мне глаза, если они никогда не увидят тебя...

Зачем мне руки, если они никогда не коснутся тебя...»

- Куда ты бредешь, слепец? – время от времени на моем пути попадались деревни, и в каждой мне задавали подобный вопрос.

Куда я иду - и сам не найду ответа на этот вопрос. Иду, пока израненные в кровь, сбитые камнями, высушенные песком и палящим солнцем, ноги могут ступать по земле. Я не вижу дороги, а только слышу вслед колкие насмешки, язвительный смех и оскорбления: «Убогий! Смотри куда прешь? Глаза что ль потерял?!»

Меня гнали как бродячую собаку – палкой, забрасывали камнями нищего побродяжку, выставляли взащеи, когда я просил кусок хлеба, падая с ног от усталости и голода. Из последних сил я продолжал идти – безмолвно.

- Мои глаза уже давно не видят дневного света. Так как же я могу видеть дорогу! – горечь давила меня.

- Так куда же ты идешь? – заговаривали со мной добрые люди, попавшиеся на пути. Дивившиеся стойкости моего духа, желая оказать помощь, делились последним куском хлеба и кружкой молока, предлагали приют. Я всегда отказывался, несмотря на их увещевания. Нет мне покоя на одном месте. Дорога – это все, что у меня осталось. Иду из города в город, томимый жаждой и голодом, я иду от самого себя...

Лишь дорога помогает хоть как-то облегчить страдания. Воспоминания, удручающей тоской о былом, испепеляют огнем душу. Я потерял зрение, пытаюсь спасти Ашу. Единственное дорогое существо. Не хватит слов, чтоб передать все чувства. Как я любил. Аша, что означает «надежда», моя надежда. Я не уберег ее...

Никогда не забыть мне эту страшную трагедию... Как пламя лизало ее тело, подступило к голове и целиком поглотило... Пережитый ужас наложил неизгладимый отпечаток, глубокую рану на сердце и душу. Всегда образ ее, глаза, полные страха и слез о помощи, стоят в моей голове. Я будто вижу снова и снова ту картину страшного суда, когда непобедимый, всесильный, неподвластный бог огня поглощает невинную жертву...

В тот самый миг крошечная тьма опустилась на мои глаза, непробудная ночь - холодная и пустая - стала моей спутницей. Это не огонь, а жгучие слезы выжгли мне глазницы... Для меня больше не имеет значение – день или ночь... Я не могу жить с чувством, что Аши больше нет... В том пожаре я погиб вместе со своей надеждой. Как вернуть душевный покой, когда потерян смысл жизни? И время не помощник... оно лишь мучает меня, терзает, напоминая о беспомощности и ничтожности моего существования. Каждую ночь я молю о мгновении, когда мой последний вздох унесет твое имя, сорвавшись с губ глухим стоном разрывающегося сердца, ворвется в небесно-звездную гладь, слившись с вечностью...

Вера и неверие

- Что толку стенать об утрате, все встает на круги свои, – постоянно твердил седовласый сгорбленный старец, блаженно складывая руки возле груди, погружаясь в молитвенный экстаз. Учитель - так его зовут - наставник маленького монастыря, сокрытого в лесной чаще у подножья скалистых гор. Маленький рай для бедняков, нищих и блаженных, таких как я. Тут всякий убогий найдет кров и пищу. Учитель нашел меня бездыханного, жизнь покидала бречное измученное тело, вот так и я очутился здесь. Видеть красоту непорочной девственной природы, нетронутой грубой рукой человека, я не мог, но ощущал царившую особую атмосферу умиротворения и покоя, защищенную от недобрых глаз и жестокости. Уединенное место, чтобы познать и обрести себя заново. Здесь я впервые дышал полной грудью, насыщенный ароматами божественного нектара, воздух словно имел целительную силу, он успокаивал. Я ощущал прохладу летней ночи, она остужала пожар, горевший внутри. Повсюду непринужденная легкость...

- Раны твои глубоки, сын мой, но все стирается временем. Ты обретешь себя, – приниженным тоном, грубоватый голос учителя лился словно песня. Каждое слово завораживало. Спокойно и безмятежно, погружаясь в легкий сон, наподобие транса, я слушал древние предания о монастыре, святых старцах, бедствиях, о шайке кровожадных «неверных», словно саранчой налетавших на мирные селения и уничтожающих все живое. О героях, в одиночку бросавших вызов судьбе, защищавших храмы и народ. Предания старины словно оживали, сливаясь со звоном храмового колокола, разносившего благую молитву по земле, подобно солнцу, разливающему свои теплые лучи во все уголки. Голос учителя пробудил во мне дремлющую на задворках разума

память ударами острого кинжала, каждое слово ранило сердце, душа содрогалась в трепетании. Меня захлестнула горечь утраты...

Я опустил на землю и начал горько плакать, как ребенок. Не обращая на меня внимания, старик продолжал рассуждения о спасении души, о силе духа и о Боге...

Его речь распалила меня, гнев клокотал во мне, как кипящее масло в котле. Как он посмел говорить о Боге?! Бога нет!

- Замолчи!! Речи твои лживы, ты как ядовитый змей впускаешь яд в мое воспаленное больное сознание. Твои боги – Химера! Жестокий варвар и то снисходительней, а твой бог уничтожает всех и вся, – я не слышал сам себя, мной двигала боль и злоба...

Затянувшую тишину нарушало тяжелое дыхание учителя, полное глубокого сожаления и сочувствия. - Неблагодарный, оскорбил саму добродетель.

- Простите! – дрожащими губами произнес. Молчание. Вдруг я ощутил его сухую костлявую руку на своем плече, в ней еще чувствовалась прежняя сила. Неожиданный страх, непонятно откуда взявшийся, сковал мертвым льдом кровь в жилах. Все затихло. Он подавил во мне стихийно вспыхнувший гнев. Не знаю, как это объяснить. Одно лишь прикосновение и ярость улетучилась, мысли пришли в порядок, а самое главное - исчезла боли и пустота, скрежетавшая внутри. Я подчинился чужой воле...

Шло время. Беседуя со мной, учитель плавно и умело подвел к черте.

- Ты готов познать себя, если согласишься...

- Во что?

Я не знаю, что я ждал услышать в ответ, но это прозвучало многозначно..

- В СЕБЯ!!! В горах есть божественный источник, воды его никогда не иссякнут. Говорят, что это слезы богини, ее душа плачет об утрате возлюбленного, упавшего в пропасть. Горькими слезами она обливает место его гибели. В них сокрыта неведомая сила. Если добрый человек откроет свое сердце, узрит истину, на него снизойдет благодать. Если под источник встанет человек неверующий, недостойный – воды источника отвернутся от него.

- Тогда любой, кто скажет «верую», ощутит благодать?!

- Мало кто видел это чудо, лишь избранный удостоен увидеть истину...

Как же мне поверить? Бог отнял у меня счастье, разве это справедливо? Я не совершал греха, а он разрушил мою жизнь. Как можно обрести то, чего нет? Слепо верить в незыблемость мироздания?

Выбор: «Путь Бога»

- Мы стоим у подножья горы. От истины тебя отделяют несколько шагов, - захрипел старец, усаживаясь на камень.

В первый раз в жизни меня обуял чуткий страх, вызванный чувством неопределенности. Каждый новый шаг дается с трудом... больнее, невыносимее... Какое-то каменное оцепенение... Я прилагаю неимоверные усилия, чтобы овладеть собой и взять себя в руки.

- В путь, сын мой! – учитель подтолкнул меня в спину.

Неуверенно. Зашатался, но сохранил равновесие, чтобы не упасть плашмя. Тяжелое дыхание... рукой нащупал шероховато-морщинистую каменную стену горы. Теплая. Согретая лучами утреннего солнца, покоящаяся под сенью зеленой чащи. Ничего! Неясность происходящего взволновала.

- Поверь...верь в себя, – убеждал учитель.

Бог! Я знаю, ты был, есть и будешь... Ты - создатель, хранитель и разрушитель мироздания. Тебе подчиняются все стихии, ты даруешь и отнимаешь жизнь. Ты хранитель и созидатель любви.

- Бог внутри нас, - так поучал старец, старательно, механически перебирая четки.

Почему же я не чувствую его?!

- Дождь?! Благодатный. Живой. Светлый, – вдруг закричал я от восхищения, раскинув руки навстречу холодным потокам горной воды.

- Чудо! Чудо! – залился громогласным смехом старец, содрогаясь всем телом.

Глазницы наполнились солеными слезами. Путь не напрасен. Не могу больше сдерживаться. Ноги подкашиваются, я не в силах стоять, бурные потоки настолько сильны. Тяжесть. Но я не чувствую усталости, если даже она и есть, то совсем другая, счастливая усталость. Вода смывает грехи... Возвращает потерянную силу, наполняя своей энергией. Свет. Неподвластный, незримый. Я увидел его. Будто день сменяет ночь... Исцеление?! Я прозрел?! Мне словно открылась тайна бытия. Вижу небо, такое прозрачно-голубое, становится все яснее и яснее, искристое сияние радужного света. Невиданное творение. Разноцветный травяной ковер под ногами, зеркальная, чистая вода источника.

- Ты избран, сын мой! – голос учителя прозвучал твердо, как вынесенный приговор.

Я очнулся от иллюзии. Минутная радость рассеялась как туманная дымка под лучами восходящего солнца. Я по-прежнему не вижу... На меня сошла божья благодать?! Слепой, я увидел свет, нисходящий изнутри, божественный свет...

- Твоя слепота не недуг, а дар! Слепой теряет способность лицезреть ложные красоты мира, но при этом ты приобретаешь совершенно новые, неизвестные, неповторимые возможности. Осязание, звуки окружающего мира придадут тебе уверенности. Твоими глазами станут чистое сердце, сильные руки, острый слух. Доверяй природе и себе!- разъяснял учитель, голос его был полон жизненной силы.

Началась долгая борьба с собой... Я заново постигал мир, как младенец, который делает первые шаги. Так же и я, набивая шишки, учился всему заново, набирался смелости и опыта. Мой недуг не помеха! Каждый шаг становится тверже и увереннее. Учитель раскрыл мне истинный смысл предназначения, поведал о темной стороне зла и силе добра. Обучил умению балансировать, сливаясь с природой, черпать ее безграничную силу. Я постиг в совершенстве умение концентрироваться, подавлять все чувства, обладать холодным рассудком и чистым разумом. Я усовершенствовал свое искусство, обладая изобретательностью слепых и сверхъестественной тонкостью слуха, научился «исчезать» – бесследно и бесшумно, растворяясь с окружающей природой. Теперь никто больше не посмеет назвать меня убогим слепцом. Я занял место рядом с другими воспитанниками монастыря, вскоре каждый из нас должен стать защитником храма...

- Твои руки легче, чем мои! – так старый воин передал свое мастерство, вложив в мои руки меч. – Держи меч, словно это продолжение твоей души! Это оружие Бога, данное тебе для защиты истины и справедливости, слабых и убогих. Используй его правильно, только по назначению...

Я выбрал «Путь Бога», став стражем храма. Слепота всего лишь очередное испытание, которое покажет силу духа и непоколебимость веры.

Спасение

Бескорыстное служение людям, долг, честь и преданность учителю и вере – качества, достойные настоящего воина и защитника в одном лице. Мое имя стало нарицательным. Иша, что значит «защитник» – страж храма. Бог ведет меня...

Неспокойное время, извечная борьба веры с неверием, с заблуждениями, ересью...Время жесточайшей кровожадной борьбы за справедливость и права свободного существования. Отступники - «неверные», покинутые Богом - шайки бандитов, заблудшие в дебрях вечных исканий, с оружием в руках навязывающие свою волю, «религию»... Они несут смерть и разруху... Горький плач, окровавленные,

обезглавленные трупы, пустые тлеющие пепелища – вот что оставляют они после себя...

Так погибла Аша...

Приближался великий праздник. В этот день двери монастыря распахнуты для всех. Люди несут подношения, священные дары. По традиции Богу подносят священный цветок лотоса, такой же чистый и непорочный, как сама вера, загадывают заветное желание, очищают помыслы, прощают мирские обиды. При этом люди искренне верят в исполнение желания. Каждый просит что-то свое: здоровье, счастье, разные блага. Я же только одно – искупить прошлый грех...

Толпы паломников следовали длинными горными тропами, чтобы попасть в храм именно в этот день. Изможденные, уставшие, но их лица светились непонятным простым счастьем. Жизнь в храме бурлила, шум и людской гвалт нарушал застоявшееся спокойствие, совершались обряды, раздавались подношения, читались молитвы, каждый хотел успеть туда и сюда, вокруг суета, давка, все походило на большой разворошенный муравейник.

Мирное благополучное существование неожиданно нарушил набег шайки бандитов. Как грозовая туча, налетевшая на солнце. Мгновенно посеяв панику и небывалую разруху. Безжалостно, с налету, грозно восседая на лихих скакунах, рубили все, что попадалось на пути... Люди замертво падали, как скошенная трава, под копыта «неверных». Сорваны цветочные гирлянды. В дребезги разбиты священные сосуды. Низвергнут на землю идол бога... Низкое, отвратительное варварство. Повсюду слышались затяжные громкие рыдания женщин, смешивавшиеся с испуганным ревом детей... Смятение. Я словно четко «видел» картину происходящего.

Вышел вперед... Меня окружили противники, создав вокруг замкнутый круг, глухая петля... Презренные, глумились над моей смелостью... Я стоял в центре круга, вытянувшись во весь рост, слегка наклонившись вперед – балансируя. Между мной и ними пропасть, я стоял «выше» их.

- Убьем этого глупца! – раздавалось вокруг.

Молча, стоя, жду нападения. Их злость только мне на руку. Злобные выкрики лишь доказывали их страх, они слабы... Меня обступило десять человек, свирепых, скрежетавших зубами, грязных мерзавцев с острыми клинками... Каждый из них жаждал проткнуть меня. Безмятежность, читающаяся на моем приподнятом лице, только еще пуще прежнего распаляла ярость противников.

Я продолжал стоять, вытянувшись в струнку, задержав дыхание, слышал каждое мимолетное движение, тишину, отдаленно доносилось легкое порхание бархатистых крыльев бабочки.

С поразительной быстротой и точностью предсказывал наносимый удар, склоняясь в сторону противника. Удар. Другой. Слегка раскрытыми губами, я поглощал звуки ртом. Это помогало острее обострять все рецепторы (ощущения). Крепко сжав рукоять меча, я, прочувствовав его мощь, наносил удар за ударом. Завязался бой... Еще минута – один падает на землю замертво, второй, за ним третий...

- Пока я жив, никто не посмеет осквернять священное место. Я воспламеню весь свет: неверные сгорят в огне! Пусть тысячи мечей пронзят мое тело, но никто не увидит на моем лице ни страха, ни боли...

Я испытывал свои силы, ловко вращая мечом, переходя в нападение, благодаря скорости движений образовывался защитный металлический «щит». Мой меч в воздухе описывал всякие замысловатые фигуры, и тут же молниеносно обрушался на врага...

«В бою надо помнить одно: никогда не думай, какой выпад выдаст противник, помни лишь то, что ты не хочешь допустить этого» - вставляли слова доблестного воина в голову. Я спокойно и хладнокровно сдерживал атаки, пока не вмешался несчастный случай... Мой меч с такой силой столкнулся с мечом врага, что со звоном сломался пополам...

Ничего, бой еще не был проигран. Одно радовало, что со мной падут столько «неверных». Подавшись немного назад, попытался уйти от удара, но вдруг почувствовал, как в грудь вонзилась холодная сталь меча...

- Искупление... - не успел окончить фразу, как изо рта брызнул ключом поток алой крови...

Я бесчувственно рухнул на землю, утопая в луже крови врагов... Исполнить свое предназначение – это наивысший долг каждого воина. Пожертвовать жизнью за другого, чтобы спасти свою душу и обрести покой.

Адарина Наталья

Аданна

Я стоял у распахнутого окна с развивающимися занавесками и собирался уехать отсюда навсегда. То, что произошло со мной, было не случайностью, а закономерностью. Видимо характер человека притягивает обстоятельства его жизни. Нельзя все время молчать и соглашаться с тем, что тебе неприятно. Нельзя отрицать очевидное. Однажды осознание все-таки настигнет тебя и в любом случае придется принять правду, какой бы она не была. Вот и я столкнулся с осознанием, характеризующим меня не с лучшей стороны. Сейчас бы я отдал все свои силы, чтобы вернуть тот день и переиграть его.

Познакомились мы с Аданной в 2018 году 16 июня. Тогда было такое же воскресенье, как и сегодня – совершенно обычное, не предвещающее никакого счастья. А счастье все-таки случилось. Мы с друзьями, студентами гуманитарного отделения Новосибирского НГУ факультета «Востоковедение и африканистика» после занятий решили немного отдохнуть. И я по обыкновению позвал всех к себе, так как, жил недалеко от места учебы в однушке на Пирогова 28. Мы купили пиццы, каких-то безалкогольных напитков и пешком направились все в сторону моего дома. Мишка Утюпин наш отличник и незаменимый рассказчик, Юрий Маковецкий – мой двоюродный брат, Константин Аверин – наш умник и ближайший друг Юры, и я – Матвей Георгиевич Милославский – все мы неразделимой четверкой приближались к моему подъезду. На клумбе разрослась желтая «Рудбекия рассеченная», а попросту «Золотой шар». Рядом с крупными желтыми цветами стояла темнокожая девушка.

- Костя, здравствуй! - скромно улыбаясь, обратилась к нашему другу шоколадная красавица с большими и удивительно-серыми глазами. Она была взволнована нашим присутствием, ведь мы были для неё незнакомцами.

Аданна, привет! Ты, как, здесь? Все-таки решилась? – Костик явно обрадовался встрече с девушкой.

- Миша, Юра, Матвей - знакомься, это мои друзья и однокурсники - представил он нас.

Очень приятно – Аданна - ответила она, почему-то обращаясь только к Косте. – Мы в магазине были с отцом, рубаху покупали, а потом я в университет хотела зайти, в деканат.

- Все-таки решилась! Какая ты молодец! А отец где? - Костя приобнял её за плечи.

- Домой пошел, мы квартиру тут недалеко сняли – ответила Аданна и в этот момент посмотрела мне в глаза, чуть задержав свой взгляд, встретившись с моим.

У неё были кудрявые, не африканские, пушистые волосы и пухлые губы. Стройная фигура и худенькие плечики производили впечатление незащищенной, утонченной и нежной девушки, которую хотелось защитить. В общем, она мне понравилась с первого взгляда. Костя тогда уговорил её пойти с нами, видимо она ему безоговорочно доверяла. Это потом, спустя какое-то время я узнал, что они уже три года знакомы и переписывались в соц-сетях. Она жила в Калифорнии с отцом и матерью и мечтала приехать в Россию учиться, потому что российские программы в ВУЗах дешевле, чем на Западе, и при этом гарантированно дают возможность трудоустройства у себя на родине. Аданна хотела поступить на медицинский факультет НГУ. Отец же, будучи обеспокоен за дочь, не думал её сначала отпускать, но после смерти своей жены - Соланж, не стал препятствовать её стремлению стать врачом. Однако решил хоть на первый год обучения остаться жить в России с ней. Слишком боялся потерять еще и её. К концу нашего вечера я её всё-таки развеселил, и она понемногу пошла на контакт.

- Расскажи о себе – попросил я, после того, как выдал ей короткую информацию о своей персоне: «Живу один, умен, красив, вполне самостоятелен, неприхотлив, с хорошим чувством юмора».

- Что я могу о себе сказать? Родилась в Хьюстоне, Техас, потом с семьей, когда мне было 6 лет мы уехали в Калифорнию, следуя мечте отца разбогатеть и жить счастливо. - поведала мне она.

- А сейчас вот, приехала за своей мечтой - в Россию...

- Скучаешь по дому? - участливо поинтересовался Юра.

- Немного, особенно по серфингу...,и еще, пожалуй по Такос – засмущавшись, ответила она Юре.

- Это что это еще такое? Бургер такой? – сморщился Мишка вмешавшись в нашу беседу.

- Мексиканское блюдо из говядины – еще тише произнесла Аданна.

- Аданна...Имя у тебя странное – сказал я, медленно произнеся её имя, почти нараспев.

- Мама так назвала – промолвила в ответ моя гостья.

С тех пор закружилось, все понеслось в череду наших встреч с ней. Сначала мы были в компании с Костей, Мишей и Юрой, потом стали проводить время вдвоем. Я совсем привык к тому, что дружу и встречаюсь с чернокожей девушкой. Не могу сказать, что у нас это не

диво, все оглядываются, смотрят вслед – одним словом - «глазеют» на странную парочку. Я был счастлив, и не понимал, что влюблён. Мы часто стали ездить в «Парк у моря Обского», расположенный на левом берегу Обского залива, и гулять по набережной. Однажды, мы столкнулись с парнями националистских взглядов, и нам пришлось бежать. Я схватил тогда Аданну за руку и потащил бегом через пролесок наперерез, к остановке. Нам повезло и - как раз на нашу удачу - последняя маршрутка подошла.

- Темнота - не всегда друг молодежи - отдышавшись, уже сидя в маршрутке, сказал я.

- Почему мы бежали? - спросила Аданна. На что я ответил, что не все у нас любят чернокожих.

– А, ты, меня любишь? – вдруг неожиданно спросила она, пронзая меня взглядом серых глаз, и доверчиво взяв за руку.

- Конечно, люблю! - уверенно сказал я, но почувствовал смутную тревогу. «А готов ли я к таким отношениям?» - думал я всю оставшуюся дорогу до дома Юры. Он позвал нас к себе, потому, как мы с Аданной задержались до позднего времени, и, в общем-то, дома у него никого нет – все на даче.

- Привет, заходите! Я вас ждал, я тут приготовил кое-что... - Юра черноволосый и загоревший у себя на даче, смотрел своими светлыми глазами на нас и улыбался. Его улыбка обезоружила - Аданна перестала стесняться и прошла в комнату. А мы с Юркой на кухне решили все подготовить.

- Мишка с Костяном обещали быть – сказал мой двоюродный брат Юра, и прикрыл дверь.

- Винца вот попробуем – прошептал он заговорчески, – Классное, мать сама делает - виноградное – Юра поставил на стол красное вино в стеклянном графине, как раз в тот момент, когда раздался звонок. Парни пришли наши, и компания оказалась в сборе.

С порога учуяв запах курицы, Мишка сообщил, что страшно голодный и все уселись за стол. Все было хорошо, все смеялись, шутила даже Аданна, и уже почти по нашему – по-русски, чему очень была и сама рада. В какой-то момент разговор зашел о нашем побеге от «Скинхедов». Умник Костя, как всегда пустился в дискуссию с отличником Мишей и разговор их завел в сторону рассуждений об иностранцах в нашей стране. Они спорили, приводили в пример Аданну, спрашивали её мнение. И все бы ничего, да она взяла и сказала: «А мы с Матвеем вместе жить решили. Поженимся».

- Миша потерял очки и переспросил меня: «Что? Seriously, что ли?»

- О, Мотя, И дети у вас будут серенькие? – смешливо скорчив лицо, вставил Юра. И только Костя не дал мне ничего ответить, а бросился пожимать мне руку и распинаться перед нами с поздравлениями. Он один единственный смотрел на Аданну, не как на забавную диковинку, а со всей искренностью и уважением. – Она шутит, сказал я неожиданно резко. Аданна на меня посмотрела всей серой глубиной своих глаз наполненных слезами, медленно встала и ушла в ванну. И закрывшись там плакала.

А я еще больше усугубил свое предательство, крикнув ей вслед: «Навыдумывала глупая!». Друзья опять стали меня уже по-доброму отговаривать:

«Да зачем тебе это?! Ты правильно сделал! Своих девушек хватает жениться». - Зачем я вас только познакомил. Не ожидал от тебя. Ты человека обидел. Она же не поверит больше никому – сказал Костя.

Только Костя произнес ту правду, которую я себе смог сказать лишь сейчас спустя два года. Я - предатель и трус. Да я готов был драться со скин-хедами, а вот жениться и жить с чернокожей девушкой струсил. Возможно, это была минутная слабость, и я спасовал перед мнением друзей. Но, мог бы одуматься, и все-таки решиться на смешанный брак. Человеку иногда нужно время, чтобы посмотреть правде в глаза. Я её потерял – навсегда. Я сам себя наказал, проявив слабость. Она уехала тогда с отцом – видимо не случайно её имя в переводе с африканского означает «Дочь отца». Только он оказался единственным её защитником. Я не смог. Не успел понять, что делаю. Ведь мужчину, то и наши девушки не всегда на себе женить могут, а тут чернокожая - Аданна. И вот, теперь лечу в Америку, надеясь вымолить её прощение. Ведь забыть я её не смог. Простит ли она меня за то, что я разбил её мечту, а может и еще что-то большее – доверие и любовь. Еду! Может все еще можно исправить!

Юко и дождь

Льёт дождь. Он идёт сегодня с самого утра. Накинув желтый плащик, и спрятавшись под большой прозрачный зонт, Юко спешила по улицам Токио в «ГЭЙДАЙ» - один из старейших и наиболее престижных ВУЗов Японии. Токийский университет искусств раз и навсегда изменил её обычную жизнь. Уже позади все занятия и экзамены, радости и трудности студенческой жизни. Юко Ёсиока – счастливая выпускница «Факультета кинематографии и новых медиа», отделения «Кинопроизводство». Она шла к своему преподавателю, который вызвал её срочно и сообщил прекрасную новость.

Сейчас, когда она шла по мокрому асфальту города, и улыбалась своим счастливым мыслям, лил дождь. Он омывал все трудовые будни, взлеты и падения. Только час назад стало известно, что её пост-дипломная, авторская работа - документальный фильм «Время жить» номинирован на премию Международного кинофестиваля «Лампа». Более того она получила предложение занять место помощника знаменитого режиссёра Акайю Такаси, о чем она даже и не мечтала, когда ректорат университета отправлял её фильм на участие в фестивале. Ещё, только сегодня утром, ей казалось, что все напрасно и ничего у неё не получится. Лишь одна мама, поддержала Юко, в тот момент, когда она собиралась поступать в ГЭЙДАЙ. Отец, тогда был против её решения, и желал видеть дочь исключительно на юридическом поприще.

- Юко, это твое решение - ласково посмотрев на дочку, сказала мама. Аки – мать Юко считала, что человек сам должен определять свой путь.

- Поступай, как знаешь! - в сердцах тогда сказал отец, после долгой и измотавшей их, беседы с дочерью.

- Но, папа! – отчаянно всхлипнув, Юко с заплаканным лицом, поняла, что так и не убедила своего папу.

Митсуо Ёсиока очень надеялся, что у его дочери Юко, пройдет это, как казалось ему легкомысленное увлечение. Он даже жалел, что однажды подарил ей видеокамеру. С неё-то все и началось. Дочь не выпускала её из рук, пропадая целыми днями в парках и улицах города, разъезжала по окрестностям, деревням, а затем занималась монтажом своих фильмов. Юко все-время пыталась что-то сказать людям в своих работах. Достучаться до их сердец. Она призывала к миру и согласию, декламировала смелые речи. И все-время протестовала. Против системы, грубости, хамства, несправедливости и жестокости. Где-то в своем сердце она верила в доброе и вечное.... Именно поэтому спорила и протестовала даже с отцом, которого очень любила, но не хотела безропотно следовать его воле. Он в свою очередь не понимал поведения Юко, не одобрял её друзей и её бунтарские мысли. А после того, как она все-таки поступила на факультет кинематографии, Митсуо так и не разделил её радости.

– Здравствуйте, я Агостино Бруно - дистрибьютер компании «Кинопрокат», Могу я услышать Юко Ёсиоко? - рано утром прозвучал уверенный и представительный голос в её сотовом телефоне.

- Слушаю вас внимательно – ответила удивлённая Юко.

- Мы бы хотели заключить с вами соглашение на предоставление вашего фильма в прокат..., Девушка, вы меня слышите, мы бы хотели заниматься продвижением ваших работ... - голос в трубке звучал настойчиво, а Юко настолько была растеряна, что не знала, что сказать.

- Да, да меня интересует ваше предложение - наконец-то вымолвила она, а дождь шумел, барабанил по зонту и струи его стекали в блестящие от вечерних огней лужи. Две потрясающих новости за день - это было невероятно! Сердце девушки стучало так сильно, что она остановилась и убрала зонт в сторону, чтобы вода, льющаяся с небес освежила своими потоками её лицо.

- С вами всё в порядке? - спрашивали проходящие мимо люди, глядя на странную девушку, стоящую под дождём, с закрытыми глазами, подставившую свое лицо воде. Кто-то улыбался, кто-то даже шарахался в сторону, а она всё стояла, вспоминая все события связанные с её внутренним призванием, её страстью, её работой над своими фильмами. Все было нелегко. В неё не верил отец. Что-то он скажет ей сейчас? - обнимет ли примирившись, будет ли гордиться её успехом? - подумала она и улыбнулась своей победе. Пусть она еще не очень большая, ведь впереди ждёт много новых испытаний, трудностей и свершений.

- Всё не напрасно, папа! - прошептала она, мысленно обращаясь к отцу, и продолжила свой путь, счастливая и полная новых надежд. И пусть льёт дождь. Всё не напрасно. Все будет хорошо.

Состояние мира

У нас в Новосибирске есть замечательное место для прогулок «Парк у моря Обского». ГэСовчане очень ценят этот парк, как уютный уголок природы, облагороженный, и устроенный для людей. Все праздники и выходные он полон народу. В парк можно попасть с двух сторон - со стороны набережной и со стороны центрального входа. Всегда очень интересно отправляясь на прогулку пройти его весь - от начала до конца. Мы с подругой любим там погулять, но не часто это у нас получается. Иногда - когда становится уже неважно, мы бросаем всё, и идем просто чтобы наполниться красотой живой природы. В этот раз случилось мне поссориться с мужем. Конечно, самое лучшее для восстановления нервной системы - это подышать свежим воздухом, посмотреть на море и горизонт. Я позвала Светлану, и мы отправились к берегу Обского моря. Набережная оказалась почти безлюдна сегодня. Это был будний день, и тишина заливала все вокруг. Мне хотелось, чтобы она вот так, же пролила своё умиротворение и в мою душу, словно

обоженной обидой. Только со Светой у меня бывает возможность «вместе помолчать», потому что лишь она меня знает настолько хорошо, что слова становятся - не обязательны. Это большая редкость. Пройдя по берегу до самого центрального пирса, мы вышли на наше место. Это место столько лет дарило нам своё очарование, что стало совершенно родным. С живописного даже немного крутого обрыва мы созерцали цветковые переливы на воде и наблюдали за облаками. И постепенно силы стали возвращаться ко мне, а обида куда-то уплывала за облаками и постепенно растворялась. Мне стало легче. Удалось достичь то особое «состояние мира» и мы потихоньку побрели домой. Чайки своими звонкими голосами провожали нас, а парк погружался в наступающую вечернюю тишину. Небо дарило нам восхитительный закат.

— Как же я люблю небо... — тихо промолвила я, как бы подытожив события дня,

- Ты и меня «небисткой» сделала — ответила Светлана.

- Хороший всё-таки был день. Так хорошо погуляли — сказала я и поняла, что никаких обид мне этот день уже не оставил.

Монолог. Реанимация тишиной

Мой дом, наконец, уснул. Все улеглись спать после шумного дня.

Муж мой гитарист, сын Артур, его синтезатор, из которого он умеет извлечь тысячу красивых звуков, и сложить их в удивительные мелодии. Телевизор, который работал весь день, телефон — вечно требующий моего внимания, события дня, тревоги, нервы. Она остановилась — остановилась свистопляска обиденного, утомимого и стремительного потока. Успокоилась гитара Димы — умница кормилица, пронзительно звенящая с самого утра, делая перерыв лишь на обед и ужин. Моя комната и кухня тоже утихомирились. Кастюли перестали греметь, печка перестала накалять воздух и тоже задремала. Я почти упала в огромное мягкое кресло, выдохнула..., так и замерла, уставившись в одну точку. В такой момент всегда, кажется, что остановилось даже время....

Непонятно — жива ли я ещё, или попала в какое — то другое измерение.... Измерение тишины.

Кто-то прикоснулся ко мне, легко, легко — это пришла Ночь. Обняла меня словно большая кошка.

И урчит — успокаивает. Тишина.... Я дышу тишиной. Потихонечку реальность начинает принимать плотные формы. Пульс дня ещё стучит в висках, но потихоньку отступает. Тсс... не спугните.... Восполнение сил для нового дня.

Юмористический рассказ «Побитый гость»

Как- то встретил я ближайших друзей - двух своих бывших сослуживцев, Федора Капустина и Савелия Герасимова. Я пригласил их к себе и за бокалом Гусарского пунша» рассказал, как я чуть в пожизненную ссылку не отправился. Когда мы отобедали, поделился я этой удивительной историей, приключившейся со мной недавно.

- Как я рад видеть вас у себя, господа гусары! Все вы меня знаете. Я - ныне ефрейтор в отставке Степан Гаврилович Мискин - уверяю вас в подлинности моего рассказа, и увещаю вас, что не согрешу, никоим преувеличением. – театрально начал я свой рассказ, нарочито изменяя интонацию голоса, говоря загадочно и как бы нараспев:

- «Сударыня моя Лариса Васильевна - т.е. жена моя, ангел мой нежный, тогда собралась на Нижегородскую ярмарку в надежде меха прикупить. Там, значит, сие безобразие и приключилось. Только коляска наша остановилась, только я, значит, руку подал возлюбленной моей, чтобы помочь спуститься – гляжу, нарисовался франт этакий. Весь в чёрном, цилиндр чёрный, сапоги блестят, глазищи синим огнём так и пышут. Иностранец видно. И вдруг, он к моей Ларисе всем корпусом надвигается, меня обошёл, а её за рученьки белые хватает, под рученьки белые ведёт, и что-то говорит, а та, глаза отводит, вниз в землю смотрит. Я сначала-с опешил. Возмущён был до кончиков волос, на ушах! Нда..., к слову сказать, все знают - уши у меня волосатые.

-Это, что ж вам надобно, сударь? Отойдите от моей жены! – в гневе вскричал я, но иноземец лишь глянул на меня вскользь и речи свои продолжает, без всякого зазрения совести! Лишь пробормотал, что-то на языке своём, и продолжал с женой моей беседовать.

-«Образ, ваш образ!» – только и смог разобрать я.

- А ты что? – наперебой стали спрашивать меня мои друзья, а Савелий даже начал покручивать чёрный ус.

- Так, тут я, господа и вспылil не на шутку! Хватаю палку, попавшуюся мне на глаза, и истошно ору потрясая ею в воздухе стараясь утратить наглеца: «Я ж те дам, окаанный – сейчас, получишь у меня горяченьких! Тот значит, не среагировал никак, так я и ударил его по спине прямо меж лопаток, и супруге своей гневно велел: «Домой! Живо домой!» В коляску её впихнул, и на оскорбителя моего взглянул, а тот не шевелится, лежит. Я перекрестился - ведь не хотел убить то! И тут меня ноги сами к коляске нашей направили, ямщику только и успел приказать «Гони, милый!», Гляжу из окна, отъезжая - уж в мою сторону все смотрят, в кучу собрались».

- И что ж? – последовали вопросы моих гостей.

- Так слушайте дальше – продолжил я свой рассказ.

«Я ведь известно дело, и в кулачном бою кому приложу – так мало не покажется, а тут, значит палкой.... Сами понимаете, господа гусары, не в шутку сказано будет – боялся я, что молодчик Богу душу отдал, а то, что он из благородных каких, и объяснять не надо – и по одежде ясно. А барышня моя только и знает себе – на все лады белугой причитает: Убили! Убили! Я Гришке ору в запале» гони, ирод! А народ уже шумит и подхватил за женой моей – «Убийство! Убили!»

Но слава Тебе, Господи – оторвались... Так вот я скрылся с места преступления и дома засел опасаясь, что узнали меня и вот придут арест производить надо мной, со всей семьёй в ссылку отправят».

– Ну, ты брат, труслив однако! Почему на дуэль не вызвал?! – раздался возглас Герасимова, который аж с кресла вскочил.

- А, ты не спеши, Савелий, с обвинениями, Посмотрел бы я на тебя, кому в ссылку охота? Известно дело, сейчас смертной казни нет за дуэль, но о пожизненной ссылке в Сибирь – «Манифест» в «Своде законов» от 1832 года, очень ясно указывает.

- Да, за причинение умышленного увечья тоже! Подтвердил Фёдор.

- И вот я жену то свою дома допросил, а она отпирается – «Не знаю его» и всё тут, – говорит, что не виновата. – объяснял я друзьям, что случилось дальше.

– Ларису Васильевну никто не заподозрит в недостойном поведении – подтвердил Фёдор Капустин, ведь он давно был вхож в наш дом, и прекрасно знал мою дорогую жену, баловал наших детей подарками.

- так видишь – как я осерчал, тогда не до разговоров было – сказал я и продолжил свою историю.

- Это ещё не всё! В один прекрасный день, когда я уже немного успокоился, вдруг въезжает к нам карета! Выходит тот самый иностранный господин, да ещё и в сопровождении моего именитого родственника!

- Отец Митрофан? – догадался Савелий, и все ахнули от удивления.

- Да, да, именно он! Мой дядя по материнской линии направлялся прямо к нам в дом вместе с «побитым» мною иноземцем! Уже когда они приблизились по тропинке, минуя кусты сирени к самому фасаду здания, я разглядел, что они весьма мило беседуют. А Лариса Васильевна, как увидела их, побледнела вся, встревожилась. Да и я тоже в такую растерянность пришёл, что и вид мой всем это показывал.

- здравствуй Степан Гаврилович, дорогой я тебе гостя привёл – дядя мой обнял меня и Ларисе Васильевне кивнул в знак приветствия.

-Прошу любить и жаловать – Жан Бартоломео Буанже - представил мне «моего побитого», а тот, как ни в чём не бывало, раскланялся, в знак приветствия.

Пожалуйста, отец Митрофан, проходите, гости дорогие, нашлась в этой странной ситуации Лариса Васильевна, и гости проследовали в дом. В гостиной, после некоторых ожиданий нам накрыли стол, и мы сели ужинать.

Француз расхваливал наше угощение – солянку, запеченную с картофелем баранину, кисель. Он пил вино, смеялся и всё-время повторял: «Ах, красивые в России женщины!». Жена моя выказывала нервное напряжение всякий раз, когда он повторял эту фразу.

– что ж за гостя ты мне привёл отец Митрофан, немного погодя спросил я, удивляясь, что гость молчит о случившейся между нами стычке. – Мне всё время не давала покоя мысль: «Он, что не узнал нас?».

- А это, Степан - из Франции ко мне художник известный выписан по высочайшему договору нашего вице-губернатора Алексея Михайловича и «Французской академии художеств». Покровскую церковь в селе Туманово расписывать будет. – торжественно произнёс отец Митрофан.

Друзья мои слушали с интересом и нетерпением.

-Такого не может случиться, что не узнал! - воскликнул Фёдор.

- Погоди, Федор, - Может это другой был? – спросил Савелий.

- Так и я начал уже так думать! Кто их разберёт иностранцев этих! В общем, решил я уточнить, и наводящие вопросы французу стал задавать.

- Жан-Барталамео, скажите мне любезный , когда вы в Россию приехали? - Долго ли вы здесь у нас в нашей губернии находитесь изволите? – спросил я, надеясь, что всё-таки обознались мы с Ларисой Васильевной.

- Неделю, как приехал... нижегородскую ярмарку посетил. Искал там «русский образ». – у меня в животе свело от его ответа и ужасная мысль стрельнула, отразившись на моём лице, в виде приподнятых бровей.

- Ну, что, нашли? – уже немного с усмешкой спросил я, вспомнив, как я его палкой по спине стукнул.

- О да! – ответил он и пустился объяснять нам тонкости художественного искусства.

Отец Митрофан, приняв мой недоброжелательный тон за неприятие иноземцев, что воистину являлось абсолютно так, постарался разрядить нависшую в воздухе напряженность.

- Сын мой, Степан, ещё твоя матушка Серафима Антоновна учила вас человеколюбию независимо от происхождения и страны, в которой человек рожден – сказал он монотонным успокаивающим голосом.

-И как вам наша ярмарка? – не унимал я своё недоумение, произведённое на меня его молчанием. – Никого не встретили?

- Чудесно! Чудесно! Такие добрые люди, такая удивительная страна! Везде угощают! – затараторил он с большим акцентом.

- Право, господин Жан, у нас умеют от всей души гостя принять, это свойственно русскому человеку – сказала моя взволнованная жена, всё еще не понимавшая абсурда сложившейся ситуации. А мне от её слов стало смешно.

- Вот уж, ты, то его и уважил! Приветил! - Ему понравилось русское гостеприимство! – смеялись во весь голос Фёдор и Савелий.

- И меня начал смех, друзья мои распирать, что я немедленно и выразил.

- И как вас угостили? – уже откровенно смеялся я, думая, что он нарочно притворяется и не выдает, что мы с ним столкнулись на ярмарке. Однако все ещё не понимал, с какой целью.

- Вдохновение! Меня постигло вдохновение в ваших краях! – продолжал восторгаться Жан-Барталамео Буанже.

Лариса испугавшись, что я опять разожгу скандал с моим взрывным характером, пыталась остановить меня, но я продолжал.

- Так вы ещё приезжайте! Мы ведь всегда, пожалуйста – угостим! – ответил я и посмотрел с вызовом, прямо в глаза французу. Но тот, на удивление не проявил никакой реакции на мой вызов, и по-прежнему доброжелательно улыбался.

- Жан открывает у нас художественную школу в приходе – широко зевнув, сказал уже немного захмелевший мой дядя. И в этот момент мне стало действительно стыдно за своё поведение.

- Что же это я делаю – подумал я, человек приехал, церковь нам расписывать, школу для детей открывает..., а я его палкой по загривку.... И ещё издеваюсь теперь. Нехорошо получается....

- Да уж горяч, ты брат, не разобравшись на человека бросаешься - сказал Савелий и покачал головой.

- А что француз то, действительно почему молчал? - спросил Фёдор.

- это мы потом только с Ларисой Васильевной прогуливались вместе с нашими гостями – Жаном и дядей моим, и выяснили, что в тот день когда Жан на ярмарке мне встретился – напился он изрядно и в беспамятстве вернулся к Отцу Митрофану в приход и ничегошеньки не помнил.

В этот момент в наш двор приехал экипаж и мы увидели в окна гостиной как к нам приближался человек в чёрном цилиндре и весь в чёрном.. Неужели это он?! – в голос воскликнули мои друзья.

Да это Жан-Барталамео – ответил я и сказал Ларисе Васильевне, чтоб она распорядилась о дополнительном приборе к ужину.

- Как? Он и теперь у вас бывает – спросил задумчиво Фёдор.

- однажды я рассказал ему, что с ним встретился тогда на Нижегородской ярмарке, всё рассказал. Извинился, что напал тогда на него сгоряча.

- и что же он? - спросил Савелий Герасимов.

- Простил – добрая душа, а Ларисы Васильевны образ для своей фрески взял. Так, что увековечена она теперь в нашей Покровской церкви в селе «Туманово».

Тут вошел к нам человек с тростью и в черном, и сняв цилиндр произнёс: «Добрый вечер!»

Дракон

Он летел над водой, освещенной розовыми бликами заката. Горы уже дремали в тишине вечернего времени суток. Это был его обычный и знакомый мир. Остров, на котором он жил, его, казалось бы, бескрайний океан, и мысли об одиночестве. Свою подругу - он давно уже потерял . Милая и надежная Гро не выдержала перемен, произошедших в последние триста лет на Земле. Воздух становился все хуже и хуже. Хотя они - единственные оставшиеся на этой планете драконы, жили очень далеко от людей - там, за Большой водой, куда не доберется ни одна их машина. Ни плавающая, ни летающая. Гро всегда считала, что люди - обречены, уничтожить сами себя. «Надо просто подождать» - считала она, объясняя молодым, что именно они - истинные наследники Великой эры.

Рако подлетел к своей пещере продолжая прокручивать в голове вспомнившийся эпизод.

- Гро, Почему людей так много? Они губят наш мир, они стирают горы в песок, льют черные реки в Водный мир, и вытесняют всех, всех... - грустно спросила светлокрылая дочь - Зои, и опустила голову на

большой, гладкий камень. – Все бессмысленно, наши гибнут из-за плохого воздуха.... – еще печальнее прозвучал ее голос.

- Мы рождены здесь, и останемся здесь хозяевами, - размеренно и медленно ответила ей мать. - Это ненадолго, ведь они не понимают Закона единства мира, и всех его чад. Они скоро истребят себя сами. - завершила свое утверждение умная Гро. Они чужие здесь. От них один только вред. И ни у кого не возникало мысли усомниться.

Дети, конечно, притихли и спокойно продолжали созерцать вдаль синего океана, виднеющегося из их огромной пещеры усыпанной блистающими кристаллами горного хрусталя. - Да, да....Драконы были всегда, и всегда будут - успокоенная уверенностью матери подумала Зои, и уже почти задремала. Здесь, совсем не было ощущения времени.

Вдруг, Гро заметила неестественный, словно остекленевший взгляд Сура, и сердце её обмерло в страшной догадке.... Она высоко вскинула крыльями, и стала его звать, будить, внутренним голосом, который он мог всегда слышать, даже будучи на расстоянии, очень далеко..... Их телепатическая связь была очень сильной, драконы умели передавать яркие мыслеобразы, наполненные чувствами. То есть, по сути, они умели ощущать печаль, радость, гнев и все чувства друг друга так, же как и свои собственные.

- Сур, сынок, пробудись....пробудись, милый...ответь мне... - стенала она. Окутав погибшего молодого дракона, облаком любви, нежности и боли – чувством невыносимой утраты она не могла тогда поверить, что Сура больше нет.

Опустившись на камни Рако, как и всегда при этом горьком воспоминании изверг из пасти огненное пламя. Тогда ему удавалось хоть как то выплеснуть своё отчаяние и гнев. Тогда ему хотелось уничтожить их всех – этих мелких бестолковых людей внесших такое смятение в природу, которая сама уже, казалось бы, их отвергала... но еще терпела – пока еще терпела. Дело в том, что люди были более приспособлены к измененному составу воздуха, чем драконы. Один за другим умирали его сородичи, друзья... и его дети. Потом ушла и Гро.

Он решил отомстить, пребывая в смутных картинах постигшей его беды. Рако видимо не понимал, что он бессилен, против наступающей машины разрушительной силы человеческой цивилизации.

«Я отомщу, я убью,...Они не должны жить» - стучало в его висках желание остановить людей, их прогресс, их вторжение. Он стремительно ринулся и полетел вверх, вверх, не останавливаясь, стараясь достичь максимальной скорости, максимальной высоты.

- Ты ненавидишь людей? – спросил громогласный невидимый голос, повергший дракона в недоумение.

- Кто ты? – мгновенно приготовившись к атаке, спросил Рако.

- Зачем ты спрашиваешь кто я? Зачем тебе это знать? Зови меня Хранитель. Я пришел потому, что ты хочешь убить. Ты считаешь, люди не должны жить. Поэтому тебе придется стать одним из них. – произнёс невидимый собеседник и все стихло. Рако попытался переспросить, позвал его – Ты где? – Но никто больше не ответил.

Озадаченный непонятным происшествием Рако решил повернуть домой, в свою родную пещеру и поразмыслить над случившимся там. Он сделал большой взмах крыльями и вдруг начал падать. И в какой-то момент падение вниз слилось в пустоту с расплывчатыми звездами и все тело его словно сдавило со всех сторон, налилось тяжестью. Затем было состояние неистовой скорости, такой, что не под силу развить ни одному дракону. Но ему не было страшно. Спустя некоторое время все прошло.

Рако очнулся от странного, очень странного ощущения и открыл глаза. Вокруг все было другое - незнакомое пространство.

- Привет! Ты чего здесь лежишь? – звонкий голосок заставил его очнуться и оглядеться. Зеленая трава, аромат цветочной поляны и человек. Вернее человеческий детеныш стоял перед ним и упорно разглядывал.

Рако хотел улететь, но вдруг со страхом обнаружил, что у него нет крыльев, а вместо них руки – человеческие руки! Еще больший ужас охватил его от понимания того, что он больше не дракон.

Человеческая девочка одела ему на голову венок и потянула за руку. – Вставай! Коровы сейчас придут! Пойдем, я тебе тайничок свой покажу - сказала девочка и пошла в сторону человеческой деревни. Рако словно во сне обнаружил, что послушно передвигается за ней. Они прошли вдоль поля, перелезли через ограду и оказались в саду. Яблоневый сад источал умопомрачительный приятный аромат. - Раньше не было таких запахов – подумал Рако. Полненькая женщина, с внимательными карими глазами и толстой косой, увидев свою пятилетнюю дочь в обществе незнакомого мужчины, в её собственном саду - оглушительно заблуждала: «Ты, кто такой? Что ты тут делаешь?»

– Я упал – ответил, неожиданно для себя Рако. Я дракон.

– Чего? блаженный что ли...? И откуда только взялся на нашу голову! Иди, давай отсюда - женщина, взяла дочь за руку и отдернула от него подальше.

- Василина, ты, что ли его привела? – спросила другая женщина постарше, стоя у ворот, она видимо не решалась подойти ближе, не

разобравшись еще в ситуации. А Рако, так и стоял в венке, сплетенном из полевых цветов, на голове. Он молчал, не понимал, что ему делать.

- Мама, мама, не прогоняй его! Он хороший! Я ему стеклышки свои показать хочу! - Василина вырвалась, подбежала, перепрыгивая через небольшую разбросанную кучку дров, не сложенных вовремя в поленницу и обняла Рако обеими ручонками. Он присел к ней на корточки, так, чтобы увидеть её глаза, а она молча убрала с его лба пряди волос светлой челки, мягкого пшеничного цвета, и тихо произнесла: «Не бойся, я тебя защищу».

- Почему? спросил Рако.

- Потому, что ты человек – ответила девочка, - у тебя сухие губы и такие добрые и красивые глаза – завершила свой ответ она и улыбнулась.

– И правда, Лидия, что это мы не разузнав ничего на парня накинудись – сказала женщина постарше, та, что раньше у ворот стояла, а сейчас подошла поближе. – глянь какой молоденький, да симпатичный, жаль, что блаженный. – Ты небось пить хочешь? Звать то тебя как?

- Рако. Я дракон – гордо ответил Рако.

- Ну, я и говорю блаженный... - закачала головой женщина постарше и поднесла ему ковш студеной воды. Он взял ковш в руки, и долго смотрел на воду, пока не почувствовал, что жажда действительно очень мучает его, но в связи со странными событиями, происходящими с ним сейчас, он не обращал внимания, на то, что очень хочет пить.

- Раиса что тут за крики у вас? – задал вопрос мужчина, подошедший к их участку услышав шумливые голоса женщин.

- Да вот, странника к нам занесло, Василинка откуда-то его привела. – ответила рыжеволосая Рая.

- Да ты пей, пей - при этом подтолкнув ковш с водой к губам Рако. И тот наконец то прильнул к ковшу и стал жадно пить. Напившись, он сидел под яблоней и думал о том, что с ним произошло. Василинка все- время крутилась рядом, показывала цветные стеклышки, а женщины долго еще не заговаривали с ним. Лишь только поглядывали в его сторону. По прошествии двух или трёх часов, он встал и побрел в сторону леса, не глядя, не разбирая дороги вышел за окраину деревни. Оказавшись в уединении отчаянно закричал: «Этого не может быть! Это не со мной!». И, словно укоряя невидимого шутника, сотворившего такую шутку с ним, оставив его беспомощным в непривычном для него теле, закрыл руками глаза, прохрипел сдавленным голосом: «Верни меня обратно..., пожалуйста, верни! Я так не могу! Не могу быть человеком! Я ненавижу людей! Они! Они - во всем виноваты!».

Внутренний дракон, сердце дракона - страдало и разрывалось от неприятия этой реальности, в которой он оказался. Он нестерпимо хотел улететь и наконец, поддавшись сильнейшим эмоциям, побежал к высокому обрыву и прыгнул в небо прямо в небо, но неизбежно упал в реку.

– Смотри, мужик видать с жизнью счеты сводит! – сказал один из компании проходивших мимо мужчин – рабочих, возвращавшихся в поздний час с наёмных работ.

- Ну да - точно! Ты что ж это делаешь?! – крикнул другой и побежал в сторону реки.

Да, надо бы вытащить..., не ровен час потонет - сказал третий и побежал на подмогу.

Они тащили его бесчувственного, каким-то чудом вытащив со стремнины реки.

- Живой? куда его? Не видел его раньше, - сказал один из спасших дракона человек.

- Так это Василюкин блаженный – ну, точно он – чудик, который себя драконом зовет. Давай его к ним. – констатировал другой.

Так они принесли бывшего дракона в дом к девочке, которая его нашла, и Рая с Лидией больше не прогнали его, а выходили после стресса и стали душу лечить ему травами, после того, как он рассказал, что всех родных и любимых потерял. Шло время и деревенские его перестали уже звать «Блаженный», и имя дали Егор, так Василюк придумала.

Стал он жить у них и в делах домашних Лиде помогать, отца-то у Василюки не было, и трудно Лиде одной дом тянуть было. Потом Геннадич - местный кузнец на кузню Егора определил, а тот и с радостью кузнечному делу выучился, да мастером стал. Смотрит на огонь и думы свои думает. Много осмыслить пришлось ему. Однажды смотрит он на Лиду и вовсе не чужая она ему кажется, а будто век с ней прожил. Но в небо все равно смотрит подолгу, а душу ему щемит, как вспомнит своих.... Но убить людей, уже больше не хочет - не мыслит даже. Потому, как понял - У всех есть право на жизнь. Правильно тогда Василюк сказала – «Потому, что он - человек!».

Игорь Вайсман

Всё прекрасно в этом лучшем из миров Из дневника несогласного

«Человек с позитивным складом мышления, возможно, действительно видит лишь хорошее, но куда тогда девается плохое? Разве от позитивного отношения плохое становится хорошим? Не становится. Позитивный человек страшится плохого. Он подсознательно чувствует, что плохое способно спровоцировать всплеск его потаённой стороны. Развивается способность избегать плохого, обходить стороной...»

Лууле Виилма

Суббота 30 мая

Мало кто станет спорить с утверждением, что людям свойственно стремиться к благополучной жизни. Я не стал исключением. Однако к своим тридцати пяти годам не могу похвастаться какими-либо существенными достижениями. По наследству мне перешла однокомнатная квартира в хорошем районе. Сам же я ничего значительного не нажил, да и не совершил.

Работаю обычным менеджером в небольшой коммерческой компании. Представителей подобных профессий принято называть «белыми воротничками». Считается, что мы хорошо зарабатываем, но до так называемого «среднего класса» я всё же недотягиваю. На машину не скопил, в отпуск езжу по недорогим путёвкам.

Все эти обстоятельства послужили причиной неудовлетворённости собой, которая, в свою очередь, сказалась на моей личной жизни – семьи я так и не создал.

Несколько моих однокурсников, с которыми, спустя годы после окончания университета, я продолжаю поддерживать отношения, ударились в модную ныне практику позитивного восприятия жизни. Они регулярно посещают семинары разных заезжих гуру, изучают специальную литературу и самостоятельно занимаются, по их выражению, «духовным самосовершенствованием». И хотя незаметно,

чтобы их успехи резко пошли в гору, они упорно продолжают свои занятия, склоняя к ним и меня.

Помню, в старом советском фильме «Аладдин и волшебная лампа» один из героев, явный последователь данной доктрины, всё время повторял: «Я прожил девяносто лет потому, что всегда говорил: «В Багдаде все спокойно».

Тогда эта фраза ничего, кроме смеха, у меня и моих сверстников не вызывала. Но в наше время пропаганда позитивного взгляда на мир стала настойчивой и тотальной – она смотрит с плакатов и рекламных щитов, её неустанно произносят звёзды телевидения и шоу-бизнеса. Никто уже не смеётся, напротив, армия последователей позитивного мышления растёт год от года. Современный человек верит в него так же, как в то, что зубная паста «Колгейт» защитит от кариеса, а шампунь «Хед энд Шолдерс» избавит от перхоти.

У меня же словно был иммунитет к этой философии. Она меня скорее раздражала, чем оставляла равнодушным. В самом деле, как замечательно – «Просто жить и радоваться»! Приятно, привлекательно и переживать ни о чем не надо! Не сомневаться, не терзаться, не мучиться! И ответственности по большому счету никакой, разве что за своё постоянно позитивное восприятие всего.

«Это несерьёзно!» – всегда считал я. Нам дают понять, что не нужно искать никакого смысла жизни, не стоит разбираться в вечных вопросах. А надо заткнуть уши ватой, одеть шоры на глаза, обложить душу подушками, видеть и слышать только то, что касается меня «любимого». Причем делать это избирательно, – замечая лишь положительное и игнорируя всё, что может потревожить. А иначе данное мировосприятие не состоится.

Но вот недавно я прочитал повесть «Я умер вчера» известного психотерапевта Эрнеста Цветкова, книги которого читаю с интересом и даже делаю выписки. И тут в моей душе что-то щёлкнуло. Концовка повести настолько засела в память, что я её полностью перепечатал и включил в свой дневник.

Вот этот отрывок: «Радостный пёс резво ткнулся холодной влажной мочкой в его руку, словно напоминая задумавшемуся гостю о настоящем, которое представлялось простым и естественным окружением, как проста и естественна сама природа. Это и есть реальность, в которой следует жить, просто жить и не изматывать себя пустыми амбициями и иссушающими поисками неведомой никому истины, которая еще неизвестно чем может оказаться – правдой или ложью. Где она, эта высшая реальность? Да вот же она и есть – потрескивающие сосны в снегу, пылающий камин, запах намокающих берёзовых веников. И Герман вновь ощутил, что и маленький бревенчатый домик с дымящейся

Игорь Вайсман «Всё прекрасно в этом лучшем из миров.
Из дневника несогласного»

трубой, и распластанное сияющее небо, и звонко твякающий пёс, и эти люди, его друзья, и есть жизнь, неповторимая, реальная, живая жизнь, самовыражающаяся здесь и сейчас, в данный миг, который и является единственным настоящим, а всё остальное – надуманное и придуманное, туманная зыбкая иллюзия... Глубокий, густой крик вырвался из самых недр его живота и плотным шаром покатился в сторону леса, который тут же отозвался гулками шорохами в тишине подступающей ночи. И этот животный первобытный вопль принес ему чувство окончательного освобождения».

Тут я вспомнил, что и в классических романах главный герой, после долгих и бесплодных поисков истины, приходил к аналогичному выводу, как к конечному результату мучительных исканий смысла жизни, сущности бытия и себя в нём.

Серьёзные сомнения в правильности своих взглядов поселились в моей душе.

Понедельник 1 июня

Вчера перед сном ещё раз перечитал отрывок из повести Цветкова и решил попробовать, что из этого получится – с понедельника, как у нас принято, начать новую жизнь.

Итак, я проснулся, посмотрел на висящий на стене календарь – понедельник. «С новой жизнью!» – сказал я сам себе и попытался улыбнуться своему изображению в зеркале, как советуют мои новые учителя. Получилось не очень здорово. «Ну, ничего, – подбодрил я себя. – Москва не сразу строилась, научусь ещё!»

Завтрак мой слегка подгорел, домоуправление зачем-то опять отключило горячую воду, за стеной громко ругались соседи, а с улицы из открытой форточки доносилась чья-то пьяная брань – но все эти мелочи не смогли испортить моего приподнятого настроения. «В Багдаде всё спокойно!» – бодро сказал я вслух, выходя из квартиры.

Родной подъезд никак не отреагировал на моё решение начать новую жизнь. Выглядел он по-прежнему отнюдь не позитивно: обшарпанные и исписанные стены, искорёженные почтовые ящики, кучи мусора и смрадный запах. «Пустяки!» – сказал я себе и уверенной походкой, расправив плечи и держа спину, как порядочный танцор, направился к остановке.

Рабочий день прошёл как обычно, сказал бы я, если бы не одно обстоятельство: я все старался воспринимать с позитивной точки зрения. И мне удалось не ответить на нервозность и не слишком ласковые замечания сослуживцев, на сообщение о задержке зарплаты, на не очень весёлые новости, ожидающие меня в скором времени и даже на поступок

Игорь Вайсман «Всё прекрасно в этом лучшем из миров.
Из дневника несогласного»

нахала, водителя проехавшей машины, забрызгавшего меня грязью и тут же удалившегося, без малейшей попытки извиниться. «Ладно, – сказал я себе, – всё, что не делается – к лучшему!»

Войдя в свой двор, я уже собрался поздравить себя с первой победой – никому и ничему не удалось сбить меня с позитива. Я провел день с «внутренней улыбкой», как выражаются представители школ духовного совершенствования. А, стало быть, принёс пользу своему здоровью. И даже на какое-то время увеличил продолжительность жизни!

Подножка ожидала меня в каких-нибудь ста метрах от собственного подъезда. Пройди я, как все нормальные люди, по тротуару, ничего бы не случилось. Но мне захотелось сократить путь, воспользовавшись тропинкой через гаражи. А там дорогу преградили два молодых человека, в ультимативной форме потребовавшие наличность, сотовый телефон и все ценные вещи, что есть при мне.

– Да вы что, ребята, шутить изволите? – попытался я вступить в переговоры.

Но тут же получил удар по голове сзади от находившегося за моей спиной третьего грабителя. Первые двое также запустили в ход кулаки. Быстро сообразив, что мобильник у меня не дешёвый, а покупать новый в мои планы не входило, да и до зарплаты надо дотянуть, я стал сопротивляться, что есть мочи. И хотя меня дважды сбивали с ног и порвали пиджак, мне удалось вырваться из-за гаражей, а на людях жулики не осмелились продолжить свое чёрное дело.

«Вот уроды!» – бранился я, пытаюсь что-то сделать с полученными ссадинами. Как назло завтра вечером мне предстояло пойти в театр с очень интересной дамой, с которой я недавно познакомился. Но с такой физиономией об этом и речи быть не могло. Что же тогда она обо мне подумает? Пригласил и сам же отказался! И ведь, как пить дать, не поверит никаким оправданиям.

«Да, но я же не выдержал испытания! – вспомнил я о своей начавшейся новой жизни. – Выплеснул целое ведро негативных эмоций!» За это твёрдые последователи данного учения меня бы по головке не погладили: «Врагов нужно прощать! И даже любить!» Что же это я, – не смог? не потянул?

«Первый блин комом, – сделал я вывод по итогам понедельника. – Ну, ничего, завтра начну с начала. И какой чёрт меня дернул пойти через гаражи!»

Вторник 2 июня

Утром я опять попытался улыбнуться себе в зеркале. Но из этой затеи ничего не вышло – физиономию разнесло и из-за постоянной боли мне больших трудов стоило позавтракать. Здорово портило настроение и предстоящее объяснение с дамой, которую я пригласил в театр. В голову не приходило ни одной стоящей мысли в оправдание своего отказа. Впрочем, мало удовольствия доставило и объяснение с коллегами по работе. Почему-то никто не верил в нападение грабителей, все были убеждены, что я вчера банально «перебрал» и с кем-то подрался.

Время шло, а главное объяснение я все откладывал – просто не знал, что говорить. Мне казалось, она не поверит ни срочной командировке, ни внезапной температуре, ни тем более нападению грабителей. Ссадины ныли, о позитиве думать не удавалось. В конце концов, я остановился на неудачном и малодушном решении отправить в театр вместо себя одного из сослуживцев, переложив всю тяжесть объяснений на него. После чего стал размышлять над подходящей кандидатурой. Больше всех на такую роль годился наш главный менеджер Борис Филимонов – приятный, вежливый и не бабник – не отобьет девушку. Но тот категорически отказался выручить меня, сославшись на неотложные дела.

«Тогда попрошу программиста Сергея Петрова, – решил я. – Он, правда, низковат ростом и повязан семейными обязательствами, но что остаётся... Однако и здесь меня ждала неудача. Петров сказал, что супруга его чуть ли не ясновидящая и ему не поздоровится от посещения театра с другой женщиной.

Я попытался уговорить ещё нескольких коллег, но опять безрезультатно. Никогда бы не подумал, что культпоход с интересной дамой в театр, да на халяву, никого не заинтересует. В конце концов, остался один шофёр Василий, кавалер, прямо скажем, не блестящий – безвкусно одетый, с простецкими манерами и несвежим запахом изо рта. Я был в шоке, но другого выхода не видел. Битых полчаса я объяснял своему «спасителю» как следует вести себя с этой девушкой, какая она интеллигентная и утончённая.

– Не бойсь, Володя! – отвечал Василий, широко улыбаясь, – всё будет хок-кей! Буду вести себя культурно и домой провожу.

Поздно вечером я получил SMS-сообщение, которое надолго выбило из моей головы мысли о начавшейся новой позитивной жизни:

«А вы, оказывается, настоящий джентльмен! Какая изысканная забота! Никогда не забуду расчудесный вечер с вашим другом! Где вы только откопали такое «чудо природы!»»

Заснуть в ту ночь мне не удалось.

Пятница 5 июня

Я тяжело пережил разрыв со своей новой знакомой. Девушка мне очень понравилась – таких в моей жизни ещё не было. Но все попытки наладить с ней отношения оказались тщетны. На звонки и SMS она не отвечала, ни домашнего адреса, ни места её работы я не знал. В конце концов, пытаясь следовать философии позитивного мышления, я сказал себе, что она – не моя судьба и с ней, в любом случае, у меня ничего бы не получилось. Не скажу только, что от такого умозаключения я испытал позитивный настрой.

Общий же вывод был такой: неделю новой жизни я провалил. Всего-то и хватило меня до вечера первого дня. Надо проанализировать допущенные ошибки, чтобы не повторять их, – вспомнил я совет книжных мудрецов. А также всех простить, чтобы вернулось позитивное настроение.

Итак, ошибки. Ну, через гаражи я, факт, больше не ходок. И вообще впредь буду держаться людных мест. В чём я еще ошибся? В том, что отправил на свидание Василия? Так ведь другие отказались. Может, надо было предпринять что-то другое? Но я до сих пор не смог придумать, как тогда следовало поступить.

Теперь о прощении. Кто нанес мне боль и обиду? Девушка? Но я ни в чём её не виню. На её месте, наверное, так и надо было себя вести. И прощать или не прощать её мне не за что.

Кто ещё? Василий? Но что с него возьмёшь? Он и так один единственный пошел мне на выручку. Ну, если не может человек прыгнуть выше своей головы, в чем его вина? Так что никакой обиды на него быть не может.

Остаются грабители. Смогу ли я их простить? Думаю, что только отчасти. За побои и испорченный пиджак. Потому, что это касается одного меня. А вот за то, что из-за них я потерял девушку, возможно, своё счастье, простить их я вряд ли смогу.

И вообще в этом «простить и полюбить врага» больше вопросов, чем ответов. Кого считать врагом? И кого соответственно прощать? По моему разумению, я вправе простить только личных врагов, которые причинили вред мне одному. Могут ли эти подонки быть только моими

врагами, ведь они, несомненно, продолжают своё грязное дело? Они же преступники, а таких принято наказывать.

А кроме того, как можно их простить за возможное лишение меня личного счастья? Ведь очень может быть, что при этом пострадал не я один. Неизвестно с кем эта девушка теперь разделит свою судьбу. Может быть, ей придётся всю жизнь мучаться с бездушным эгоистом, а я, по крайней мере, порядочный человек и заботился бы о ней. Не вмешайся сюда эти изверги, мы, возможно, поженились бы и завели детей. Так что пострадавших из-за них тут больше, чем один человек, и прощать их за всех я не вправе.

В данном вопросе я, похоже, разошелся с философией позитивного мышления и всепрощения. Может, я что-то недопонимаю, только кто растолкует? В умных книжках почему-то такие нюансы не рассматриваются. А как без них? Жизнь и состоит из нюансов.

Засыпая, я все же произнес про себя позитивную мысль: «Надеюсь, всё образуется. С понедельника предприму новую попытку».

Понедельник 8 июня

Первой мыслью, что пришла в голову после звонка будильника, была: «Сегодня вторая попытка начать новую жизнь». Я вновь попробовал улыбнуться своему отражению в зеркале. Не скажу, что это получилось от души, – что уже в зачёт не идет. Позитивная философия, помимо прочего, заставляет не просто улыбаться самому себе, а ещё приговаривать при этом: «Какой же я красивый, какой молодой, какой умный, какой оригинальный, сексуальный, желанный, неотразимый!» Хотя всё это имеет весьма слабое отношение к реальности. Но я такой ерундой заниматься не стал, решив, что это дело продвинутых, а не таких новичков, как я.

Выйдя из квартиры, я отметил, что подъезд чище не стал. Это говорило о явном пренебрежении жильцов философией позитивного мышления. То же являли и лица прохожих – озабоченные, угрюмые, раздражённые или просто ничего не выражающие.

На работе коллеги поинтересовались, как у меня на личном фронте, чем приятных чувств не добавили. А водитель Василий выразил готовность помочь ещё раз, если понадобится. Пришлось поблагодарить его, используя накопленный опыт позитивного общения. Это стоило напряжения, но я расценил своё поведение как победу над собой, что само по себе подняло дух, до сих пор терпевший одни поражения. И вот

с чувством одержанной маленькой победы я возвращался домой, не обращая внимания на всякие мелочи.

Но тут произошла сцена, которую я при всем желании не смог отнести к мелочам. Моё внимание привлек отчаянный крик женщины и быстро удаляющиеся фигуры двух мужчин со спортивными сумками.

– Гады! Сволочи! – кричала женщина. Её лицо выражало столько горя и безысходности, что невозможно было пройти мимо. Оказалось, она шла с автовокзала, тяжело нагружённая, остановилась передохнуть, и тут двое грабителей схватили её сумки и убежали. В них, как выяснилось, помимо многих вещей, были документы, деньги и ключи от квартиры.

Пытаться догнать беглецов нечего было и думать – они скрылись из глаз, пока я выяснял что случилось. Как, наверное, девяносто девять процентов сочувствующих, я посоветовал несчастной обратиться в полицию. Но этим только добавил ей отчаяния.

– Что они могут, – говорила она, глотая слёзы, – разве что допрашивать потерпевших, да бумажки заполнять!

Возражать было нечем и я почувствовал себя крайне неуютно из-за осознания полной беспомощности хоть что-то сделать для бедной женщины. Я лихорадочно пытался вспомнить, что в подобных случаях советуют учителя позитива, но в голову не приходило решительно ничего. Многие представители прекрасной половины на моём месте не только не растерялись, а, напротив, оказались бы на своём коньке. Без малейших усилий они наговорили бы потерпевшей столько слов сочувствия, выразили такое словесное участие, что психотерапевты отдыхают. Но я, увы, таким искусством не владел и стоял, как истукан, словно проглотив язык.

Слава Богу, женщина сама мне помогла:

– У меня и лекарства были в тех сумках, – сказала она упавшим голосом.

– Так давайте я куплю вам успокоительное или что-нибудь от сердца, – обрадованно выпалил я. И, не обращая внимания на протесты и извинения, довёл её до ближайшей аптеки, от души раскошелившись.

– Я прямо не знаю, как вас благодарить! – проговорила несчастная.

– Пустяки! – парировал я, посоветовав ей на прощание всё же сходить в полицию.

Остатки вечера я провел в бесплодных попытках найти в умной литературе ответ на возникший вопрос: как с точки зрения позитивного мышления вести себя в ситуации, с которой я сегодня столкнулся? Ответа не нашёл – гуру всех мастей рассуждали так, будто все, к кому они

обращаются, живут на этой планете в гордом одиночестве. И от того-то им, наверное, так покойно на душе, что ничто вокруг их не заботит, все думы лишь о «себе любимом» – это словосочетание их бренд! А вот у меня так не получилось, потому-то я и оказался в полном неведении, сомнении и душевной тревоге.

Машинально подойдя к окну, я вдруг совершенно иначе оценил огромный рекламный плакат на стене дома напротив. Шикарная красotka, улыбаясь полным ртом зубов, говорит всем нам, недотёпам: «Я выбираю быть счастливой».

Ну-ну, сказала бы лучше правду: «Я выбираю думать только о себе. А вы там как хотите!»

Четверг 11 июня – пятница 12 июня

Сегодня «веселый» случай произошел по дороге на работу. Два пацана лет двенадцати затянули петлю на шее кошки, а один из них, держа верёвку над головой, стал крутить ей, изображая пропеллер.

– Вы что, очумели?! – крикнул я, машинально дал подзатыльник одному из душегубов и быстро снял удавку. Кошка была еще жива.

Не представляя, что делать дальше, я вернулся домой, налил бедному животному молока и вновь поехал на работу. Естественно, опоздал и, само собой, буду оштрафован, когда дойдет до получения зарплаты.

Вечером, придя домой, заметил, что кошка к молоку не прикоснулась. Я попытался накормить её колбасой, но она не проявляла никакого интереса к пище и только издавала звуки, похожие на стон.

Я вызвал ветеринарного врача, он сделал ей какой-то укол и сказал, что точный диагноз определить не может. Это мог быть и просто психологический шок, и ушиб внутренних органов. Необходимо сделать рентгеновский снимок.

Ладно, решил я, утром позвоню на работу, скажу что задержусь на пару часов. Не оставлять же несчастную в таком состоянии!

Но ночью кошке стало хуже. Она стала издавать громкие душераздирающие звуки и под утро скончалась. Заснуть мне так и не удалось. И на работу снова пришлось опоздать. Я подумал, что если просто выбросить труп на помойку, как некоторые делают, это будет совсем нехорошо. Надо беднягу похоронить. Но лопаты у меня не было. Одолжив её у дворника, я закопал кошку под деревом.

Начальник пообещал вклеить мне штраф ещё больше вчерашнего, раз уж я так «распоясался».

События последнего времени самым отрицательным образом повлияли на мой настрой начать новую жизнь. Я решил, что мне, похоже, в одиночку с поставленной задачей не справиться. Необходимо пообщаться с теми, кто чего-то достиг в духовном самосовершенствовании. Просмотрев записную книжку, я нашел телефон одного йога, который лет двенадцать назад уговорил меня посетить семинар заезжего гуру. Помню, потратился я тогда прилично, но так ничему не научился. Поэтому об этом своем знакомом больше не вспоминал. Но вот сейчас, возможно, он-то мне и поможет.

Йог, его звали Ильдар, долго не снимал трубку, видимо предавался своим медитациям. Как выяснилось, он меня прекрасно помнит и рад, что я, по его выражению, «решил встать на путь истины».

— Я принимаю учеников по будням у себя дома. Жду во вторник в семь вечера, — тоном наставника произнёс он.

Вторник 16 июня

После работы я поехал к Ильдару. Это был прелюбопытнейший субъект. В бытность общения с ним, он поражал меня тем, что никогда и нигде не работал, заявляя, что работа и забота о хлебе насущном отвлекают от главного. А главное — поиск истины. На что он жил, как расплачивался за коммунальные услуги — было загадкой. Он никогда не пользовался и общественным транспортом — ходил пешком на любые расстояния.

Когда я с ним только познакомился, мы вместе ходили к известному путешественнику, вернувшемуся из поездки на Тибет. Йогу захотелось с ним пообщаться в связи с большим интересом к тибетской религии, а в особенности к загадочной Шамбале, по слухам находящейся там.

У путешественника в тот вечер собрались гости. Они сидели за накрытым столом и беседовали, выпивая и закусывая. Ильдар тогда удивил общество тем, что, усевшись в углу, ни к чему не притрагивался. У некоторых это вызвало любопытство, но у большинства, в том числе хозяина, — обиду. Его посчитали либо высокомерным гордецом, либо чересчур брезгливым. Поэтому разговор с ним не удался. Я тоже не понял его, но позже выяснилось, что дело тут было совсем в другом: он питался одной лишь проросшей пшеницей, которую выращивал дома на подоконнике.

Ильдар был откровенно рад моему приходу, посчитав, что одержал победу над очередной заблудшей душой. Он провёл меня в почти пустую залу, окна которой были тщательно задрапированы тёмной тканью. На

журнальном столике горели свечи, а на полу кругом сидело пять девушек в позе лотоса, – кажется, так это называется. Их лица выражали полное послушание.

Хозяин представил меня и предложил сесть в круг в такую же позу. Я попытался возразить, что пришёл всего лишь за советом. Но мои слова не были восприняты – «здесь такой порядок: сначала занятия, а потом беседа с ответами на вопросы». Пришлось подчиниться.

Часа полтора мы медитировали, произносили мантры, взывали к Богу... Я мужественно терпел в надежде получить, наконец-то, ответы на мучающие меня вопросы.

– Ну, как тебе наши занятия? – улыбаясь, спросил хозяин, преисполненный уверенности, что я от них в полном восторге. – Теперь будешь ходить регулярно?

Я постарался ответить уклончиво, так как явно не собирался их посещать, но и обидеть наставника боялся.

– А что за вопросы у тебя ко мне?

– Как радоваться жизни, видеть во всём только положительное, постоянно пребывать в позитивном настроении, если то и дело сталкиваешься с несчастиями и трагедиями? – высказал я наболевшее.

– Надо научиться видеть во всём положительные моменты. Они есть всегда. Вот Ошо, например, когда умер его отец, устроил праздник, на который пригласил множество своих учеников. Объяснил он это тем, что уход души в лучший мир иначе как праздником не назовёшь.

Я был шокирован, но лица девушек выражали полное согласие с услышанным.

– А как быть с окружающими? Я ведь даже не столько за себя спрашиваю.

– Не надо брать на себя обязанности Бога! – был ответ. – Думай о себе и занимайся собой!

Вот такая любовь ко всему окружающему! Вот такое сострадание с милосердием!

– Ты пытаешься понять мир умом. Но это бесперспективное занятие, – сказал Ильдар на прощание. – Мир и истину можно постичь только сердцем. Поэтому мы говорим с тобой на разных языках. Тебе нужно прочитать много трудов Посвящённых. Можешь приобрести литературу у меня.

– Да я, в общем-то, достаточно читаю.

– Что ты читаешь?

– Сенеку, Канта, Ницше, Ивана Ильина...

– Ты не тех читаешь! Это всё простые люди, хотя и интеллектуалы. Интеллект – это всего лишь ментальный уровень. Не трать время на труды обыкновенных людей, их слишком много, жизни не хватит. А истины в их трактатах очень мало. Потому что только Посвящённые могут познать истину.

Пятница 19 июня

Визит к йогу, вместо ясности, внёс ещё больше путаницы в мою голову. Я приобрел DVD-диск с беседой упомянутого им Ошо и несколько раз внимательно его просмотрел. Впечатление получилось смешанное. С одной стороны, нельзя отказать знаменитому мудрецу в логике и интеллекте, хоть я и не нашёл ничего из того, что меня волнует. Но, с другой стороны, неприятно поразило благодушное настроение и какое-то лукавство в глазах индийского старца. Похоже, он очень далеко отдалился от несчастий и трагедий своих обыкновенных соседей по планете. Похоже, ему вообще не знакомы душевные муки, которые не дают мне покоя. Своим видом он как бы говорит всем: «Будьте такими же расслабленными, довольными и счастливыми, как я! Нет причин расстраиваться в этом мире!» А лицом он (вот дела!) удивительным образом напомнил того старика из фильма «Алладин и волшебная лампа», что без конца твердил: «В Багдаде всё спокойно».

И тут я вспомнил, что один из моих сокурсников, Евгений Карасев, в котором все видели будущее светило науки (светилом так и не стал, пав жертвой завистников), после долгих мыканий, ударился в духовные учения Востока и даже ездил к какому-то гуру в Индию. «Не пообщаться ли и с ним? – подумал я. – Всё же со своим старым знакомым он, наверное, поговорит по душам».

Через приятелей-однокурсников я узнал его телефон, и вот сегодня он ждёт меня у себя дома.

Переступив порог квартиры, я заметил, что хозяин не слишком-то рад встрече, хотя мы и не виделись много лет. Его лицо не выражало даже любопытства, это было скорее даже не лицо, а маска. Маска Учителя, к которому явился Ученик. От прежнего студента не осталось ничего.

Обстановка в квартире своим аскетизмом удивительно напоминала ту, что я видел у йога Ильдара. Лишь этажерка с книгами говорила о том, что хозяин, по крайней мере, раньше, занимался наукой.

Я не был приглашён ни к чаю, ни к кофе. Бывший сокурсник тоном, не выражающим никаких чувств, поинтересовался, как я поживаю, чем

занимаюсь и, судя по всему, очень быстро составил обо мне мнение. Было заметно, что ничего лучшего он и не ожидал. Его невысокое мнение о людях, живущих обычной жизнью, чувствовалось во всём.

– Ну, с чем ко мне пожаловал? – спросил он тем же тоном наставника.

Я задал свой вопрос, обратив внимание, что всё время, какое я у него находился, Евгений ни разу не переменял выражения лица. Он беседовал со мной, как врач с пациентом.

– Думаю, ты не сможешь уразуметь то, о чём спрашиваешь, – получил я ответ. – Тебе очень много нужно узнать и постичь. Мы с тобой думаем на совершенно разных уровнях: я тебя понимаю, а ты меня не можешь понять.

– И как же достичь такого уровня? Что делать? С чего начинать?

– О-о-о, это очень долгий путь! Тут нет однозначных рецептов. Каждый должен пройти его самостоятельно.

– Но что-то всё-таки можно посоветовать?

– Не уверен. Я прошёл свой путь сам, и никто мне не помогал. Желаю тебе успеха!

Среда 24 июня

Сегодня на работе ко мне заскочил водитель Василий. Его улыбке позавидовал бы Голливуд, если б не пораженные кариесом зубы.

– Володя, с тебя магарыч! – сообщил он, сияя от радости.

– С чего бы? – поинтересовался я.

– А я узнал, где твоя дамочка работает. С которой в театр ходил.

– ...Как?!

– Да я вчера заехал на распродажу шуб, – хотел сделать подарок жене к юбилею. Смотрю, эта самая дамочка тоже шубёнку себе справила. Я к ней. «Здрасьте, говорю, вы меня помните? В театр вместе ходили». А она отвечает, недовольно так: «Что-то не припоминаю». Хотя видно, что врёт.

«Давайте подвезу, говорю, а то с такой покупкой, да такой леди, как вы, рискованно ходить по улицам». А она: «Спасибо! Я как-нибудь сама». И быстро так пошла к выходу, что я даже за ней не поспел.

Ладно, думаю, посмотрим куда ты пойдешь! Сел в машину и потихоньку поехал за ней. Так она, оказалось, неподалёку там работает, в одной фирме. Зашла она туда, а я немного подождал, вышел из машины и спрашиваю у охранника: «Эта дамочка, что сейчас прошла с большим свертком, у вас работает?» «Да, – говорит, – главным бухгалтером».

Вот так-то, брат! Беги в магазин!

– А ты не с кем её не перепутал? – засомневался я.

– Обижаешь! У меня память на лица знаешь какая! Да и с кем её перепутаешь? Слишком видная.

Вот ведь, Василий, кто бы мог подумать! Такую услугу по собственной инициативе не каждый друг окажет.

После столь сногшибательной новости, работа в голову не шла. Я так разволновался, что коллеги забеспокоились: уж не заболел ли? «Может, я совсем потерял от неё голову? – пронеслась мысль. – Как теперь к ней подойти, что сказать?» – вот вопрос, целиком завладевший мной. В конце концов я решил, что лучше всего посоветоваться со своей давней приятельницей, Юлией, примерно такого же возраста, как моя новая зазноба. Она даст совет именно с женской позиции и это то, что нужно.

Вечером я заехал к ней.

– Что с тобой? – удивилась подруга, – уж не влюбился ли?

– Сам не знаю.

– Ну-ну! Знаешь что, подари ей корзину цветов. Если бы мне сделали такой подарок, я бы всё простила!

– Серьезно?! Ну, спасибо! Я твой должник.

– Да брось! Давай, юный Ромео, ни пуха!

Четверг 25 июня

– У тебя сегодня что, бракосочетание? – удивлялись сослуживцы, глядя на мой наряд.

В ответ я бормотал что-то невнятное, суеверно боясь озвучить раньше времени намеченное на сегодня мероприятие. А после обеда напросился отвезти документы в банк вместо курьера, чтобы заодно осуществить своё намерение. По дороге я заглянул в цветочный магазин и купил самую шикарную корзину цветов. Моё растущее волнение дополнительно усилил охранник, остановивший меня в фойе указанной Василием фирмы:

– Вы к кому? У нас не принято пропускать посторонних без согласования. Как вас представить?

– Владимир, – неуверенно ответил я, совершенно позабыв о принятых в офисах порядках.

– По какому вопросу?

– Да, в общем-то, по личному, – совсем растерялся я.

– Елена Станиславовна, к вам Владимир. Говорит, по личному вопросу.

– Я сейчас спущусь, – прозвучало в трубке.

Вскоре женщина появилась на лестнице, и я был поражен, насколько она оказалась красивее, чем представлялась раньше. Ее лицо и фигура были словно выточены резцом искусного скульптора. А гордой и стройной осанке могли позавидовать участницы конкурсов красоты. Но взгляд её прекрасных и умных глаз не предвещал ничего хорошего. Им она буквально пронзала меня насквозь. Создавалось впечатление, что вся моя суть со всеми потрохами видна ей как на ладони и не вызывает ничего, кроме холодного презрения. Это была Снежная Королева, хотя и с чёрными волосами, гордая, неприступная, беспощадная.

– Здравствуйте! – сказала она подчёркнуто официальным тоном. – Давайте выйдем!

Я сразу почувствовал, что моя миссия провалилась, отчего окончательно растерялся и, по всей видимости, выглядел очень нелепо.

– Как вы узнали, где я работаю? – Тон, каким был задан этот вопрос, похоронил последнюю надежду.

– Случайно... – промямлил я упавшим голосом.

– Хорошая случайность! И чем же я обязана такому визиту?

Вместо ответа я неуклюже протянул корзину с цветами, пролепетав что-то вроде: «Это вам».

– Мне?! С чего бы? И как вы догадались, что я терпеть не могу цветы в корзине?

– Я хочу извиниться. Меня тогда избили грабители.

– Да что вы! Ну, надо же! Прямо как в кино!

– Возьмите цветы, пожалуйста!..

– Спасибо, не надо!

– Но, как же...

– Подарите их кому-нибудь другому! И у меня к вам огромная просьба: забудьте, где я работаю! Надеюсь, больше мы не увидимся. Всего хорошего!

Не помню, как я тогда вернулся к себе и куда девал корзину с цветами, кажется, оставил старушке, торговавшей на остановке редиской.

– Ну, как? – спросил никогда не унывающий Василий. Но, увидев моё состояние, всё понял и стал успокаивать:

– Да ты, брат, не расстраивайся так! Велика беда – с одной не вышло, с другой выйдет!

– С какой другой? Где такую другую найдешь?

– Брось ты! Бабы все одинаковые! Подумаешь фифочка! «Не с лица воду пить!» – слышал про такое выражение?

Видя, что слова на меня не действуют, Василий предложил:

– Давай, Володя, в выходные поедem ко мне в сад. Там у меня баня и речка рядом. Порыбачим, отдохнёшь, развеешься и забудешь свою кралю...

– Ладно, – неожиданно для самого себя согласился я.

Суббота 27 июня - воскресенье 28 июня

Василий заехал за мной рано, как договорились.

– Ну как, готов? – громко с порога спросил он. Его лицо как всегда сияло, а широкая улыбка без малейшего стеснения демонстрировала всему миру два ряда отнюдь не голливудских зубов.

– Готов, – ответил я, отметив про себя, что как ни пытался научиться вот так же улыбаться, но за целый месяц не научился. А нашему шоферу это удаётся без всяких усилий.

В машине на заднем сидении расположились жена и шестилетняя дочь Василия. Он представил нас друг другу, и мы тронулись.

Тут меня вдруг осенило: человек, которого я так искал всё последнее время, сидит возле меня. Он никогда не унывает, всегда бодр, всегда весел. Вот же реальный пример жизни с позитивным настроем! И как это я раньше не обращал на него внимания? Ведь второго такого человека я даже и не знаю. Даже моим однокурсникам, столько лет мучающим себя медитациями и психологическими установками, не удаётся так естественно и непринуждённо быть позитивными.

«Простой, как три рубля» – таково общее мнение о Василии в нашем коллективе. Но ведь нет в моём окружении больше таких простых! Прimitивных сколько угодно, а вот таких простых в лучшем понимании – открытых, дружелюбных, всегда готовых помочь – я вокруг не наблюдаю. На чём основано его постоянно хорошее настроение? Почему у других не так?

– Василий, – спросил я, – а ты вообще болеешь когда-нибудь?

– Не-ка! – ответил он, несколько не удивившись моему вопросу. – У меня крепкий иммунитет.

– Мы с ним семь лет женаты и за все это время у него даже простуды не было, – добавила его жена Люба.

– Ты, наверное, сто лет проживешь, – продолжал я.

– А почему нет!

– А кто тебе втолковал, что нужно всегда быть в хорошем настроении?

– Никто. А чего грустить-то?

– Он с детства такой, – пояснила супруга, – мы в школе вместе учились. И родители у него очень добрые люди, никогда не ругаются.

– А книги ты какие-нибудь читаешь про то, как правильно жить?

– Не-е, не тянет.

– Он больше анекдоты любит читать, – сказала Люба. – Я покупаю ему книжки с анекдотами, так он их от корки до корки прочитывает и мне вслух читает.

По всему было видно, что живут супруги в полном согласии – жена не нарадуется на мужа и ему никакой другой не надо.

Садовый участок, куда мы, наконец, приехали, был самый обыкновенный: традиционные шесть соток. Правда, с добротным домом, баней, гаражом и туалетом.

– Это все Василий сам построил, – не без гордости похвасталась Люба.

– Ай да Василий! – искренне подивился я.

– Да чего уж, для себя же делал, – поскромничал мастер на все руки.

Местность вокруг и в самом деле была замечательная, я даже ощутил что-то вроде душевного подъёма после долгой депрессии.

– Владимир, давайте сначала позавтракаем! – предложила добродушная хозяйка.

Угощение оказалось выше всяких похвал.

– Василий, а тебе повезло с супругой, – от души порадовался я за него.

– А то! – засиял хозяин. – Я ведь её давно приметил.

– А вы, Владимир, что же так долго в холостяках засиделись? Такой положительный мужчина...

– Да так... кто нравится, тех не добьёшься, кто не нравится, – зачем такой брак?..

– «Имею желание купить дом, но не имею возможности. Имею возможность купить козу, но не имею желания», – продекламировал Василий крылатую фразу из популярной комедии.

– Сложно как-то у вас всё. Надо вторую половину по себе подбирать, – дружески посоветовала Люба.

– Да, так говорят. Но я, наверное, не слишком практичен в сердечных делах.

– Ну что, пойдем рыбачить? – спросил Василий после завтрака.

– Нет, я, пожалуй, не пойду. Не одобряю я это занятие.
– Вот те на! А чем тебе рыбалка-то не нравится?
– Не доброе это дело, понимаешь. Не могу видеть, как рыба гибнет, мучаясь.

– Так то ж не нами придумано! Такова жизнь: сильный поедает слабого.

– Знаю, но участвовать в этом не хочу. Не желаю быть таким сильным.

– Ладно, брат, делай как хочешь. Один порыбачу. Скучать-то не будешь?

– Нет, не беспокойся! Я пока поброжу по окрестностям, пофотографирую... Природа у вас и впрямь – заглядение.

– Это да. Ну, давай, Володя, не скучай!

Участок Василия располагался с краю коллективных садов и метрах в двухстах от него начинался живописный лес. На пути к нему я сделал добрый десяток снимков.

«Сколько же лет я не был в лесу?» – пытался я вспомнить, да безуспешно. Вот как повседневность засасывает – забываешь, что есть ещё на Земле райские уголки для тоскующей души.

Я почувствовал необыкновенный прилив сил. К сожалению, скоро он сменился разочарованием. Войдя в лес, я то и дело натыкался на кучи выброшенного мусора. Со временем отходы перегнили, перебродили и оттого издавали смрадный запах. Так как в лесу царило безветрие, ощущение было такое, что находишься на свалке.

В этом загаженном лесу не было никакого буйства жизни, характерного для летнего периода. Ни пения птиц, ни барабанной дробы дятла, ни уханья совы, ни кукушкиного ку-ку. Только карканье вездесущих ворон нарушало мертвецкую тишину. Я присутствовал на кладбище жизни, и об этом сообщали могильщики-вороны.

Мне стало жутко. Я поспешно покинул лес и направился к реке. Ни Василия, ни других рыбаков в этом месте берега не было. Тут находилось нечто вроде дикого пляжа, загаженного не меньше леса. Потухшие костры с остатками пиршеств, горы бутылок и мусор, мусор.

Поскольку время было ещё довольно раннее, на пляже была только одна полноватая женщина лет тридцати восьми.

– Мужчина! – улыбаясь, обратилась она ко мне, – вы не могли бы покараулить мою одежду, пока я скупнусь?

– Отчего же нет, покараулю, – согласился я.

– Ой, ну сразу видно, порядочный человек! А то тут ходят всякие...

Я задумался, глядя на медленно текущие воды реки. Женщина вышла на берег и снова обратилась ко мне:

– Мужчина, спасибо вам большое! А не будет нахальством с моей стороны, если я попрошу покараулить мои вещи, пока я голову помою?

– Да нет, не будет.

Женщина взяла шампунь, полотенце и вновь направилась к реке.

– Постойте! Вы что, собираетесь мыть голову шампунем в реке?

– Ну да, а что?

– То есть, как это что? В реке ведь рыба живет. И не только она. И всем придется травиться вашим шампунем.

– Ха-ха-ха! Вы меня прямо уморили! Как вы интересно шутите!

– Я и не думал шутить. Вот если вас начнут травить шампунем и смеяться при этом, каково вам будет?

– Что за ерунду такую вы говорите, мужчина! Вы зачем ко мне придираетесь? От того, что я одна помою в реке голову, ничего не случится.

– Ну да! Те, кто загадил весь берег и весь лес, тоже так, наверное, рассуждали.

– Вы что, из «Гринписа»?

– Нет.

– А кто вы, полицейский что ли?

– Я просто порядочный человек.

– А-а-а, значит, я непорядочная! Плевать я на вас хотела! Ходят тут всякие! Можете больше мою одежду не охранять, обойдусь!

Нет, ничего у меня не получается с позитивным восприятием мира, – думал я, возвращаясь. – Почему же у Василия получается? Потому что он простой. Он, конечно, очень хороший парень, и думать о нем плохо я не вправе. Но ограниченность мировоззрения и интеллекта делают его счастливым. Не зря ведь существует выражение: «Счастливы бывают только идиоты». Не зря есть и такое: «Многие знания умножают печали». И как гениально Грибоедов назвал свою пьесу: «Горе от ума»!

Не пришёл ли я тем самым к окончательной формуле своих поисков? – Чтобы воспринимать жизнь позитивно, чтобы радоваться каждой прожитой минуте и, соответственно, иметь здоровые нервы и долгую жизнь, нужно упроститься до уровня Василия. Только как это технически сделать? Попросить хирурга отрезать часть мозга?

Впрочем, проблему можно решить и без операционного вмешательства, как очевидно многие и делают. Нужно просто навеки усыпить свою совесть – дать ей столько «снотворного», чтобы она впала в анабиоз до гробовой доски.

Так может, стоит попробовать? Другим ведь не стыдно. Только мне кажется, после этого я уже не человеком буду, а зомби. Ведь именно совесть и ничто другое отличает человека от прочих животных.

Что-то сухое и тёплое ткнуло мою ладонь сзади. Я обернулся и увидел несчастного, определённо брошенного пса. Он был, наверное, на последней стадии истощения, – впалый живот чуть ли не касался позвоночника.

Заметив, что я на него смотрю, пёс остановился, отступил немного назад и глядел мне в глаза с какой-то недоверчивой надеждой. Он одновременно ждал, что я кину ему что-нибудь съестное, и был готов броситься наутёк. Похоже, ему было хорошо известно, что от этой двуногой твари, что стоит перед ним, можно ожидать чего угодно.

– Пойдем! – сказал я собаке и двинулся к даче Василия. Пёс понял и пошёл за мной, держась на безопасном расстоянии. Я попросил Любу накормить беднягу. Надо было видеть, как тот набросился на пищу!

– Какой вы заботливый человек, Владимир! А мы тоже подкармливаем собак и кошек. Тут их полно бегают. Садоводы привозят и оставляют. И как только сердце у них не болит! Ну, а вы чем занимались? Не скучаете?

– Да нет, все нормально.

– Через час обед. Можете отдохнуть пока наверху, в мансарде.

Поднявшись по лестнице и оказавшись наедине с собой, я снова припомнил отрывок из повести Цветкова «Я умер вчера», который от частых прочтений знаю уже чуть ли не наизусть.

Так это и есть то единственное настоящее, которым нужно жить, не помышляя о высоких материях? Этот уютный дом, эти радушные хозяева, этот чудный лесной пейзаж за окном?..

Вот только я не уверен, что увижу этот пейзаж через каких-нибудь пару лет. Что эти живописные деревья не спилят за бабло. Или кто-нибудь не спалит весь лес просто так, от «полноты чувств». Да и семейная идиллия Василия и Любы в любую секунду может оборваться. Кто даст гарантию, что так будет всегда? Разве их семейное гнездышко сможет устоять от злых ветров этого жестокого и бездушного мира?

Наше благополучие – что хрупкая стеклянная ваза, которая в любую минуту, от малейшей тряски, вызванной проезжающим мимо дома трамваем или порывом ветра из открытого окна, упадёт с полки и разобьётся вдребезги.

Тебе кажется, что ты счастлив, но откуда ты можешь знать, что в следующую минуту поджидает тебя за углом? Всегда найдётся тот, кто в одночасье сломает твоё счастье.

Тут я подумал о том, как разительно отличается взгляд молодой девушки и женщины, едва достигшей сорокалетнего возраста. В глазах девушки открытость, наивность, беспечность, уверенность, мечтательность или спокойствие. Её глаза горят. Смена настроений тут же в чистейшем виде отражается в них. Без малейших примесей.

Совсем другое дело глаза женщины. Принято находить отличие женщины средних лет от молодой девушки в наличие морщинок и несвежей коже. Но в первую очередь её отличают именно глаза. В них нет того, что было каких-нибудь пятнадцать лет назад. Зато появилось другое. А перемена настроений если и отражается, то с изрядной долей примесей. Эти примеси нашли постоянную прописку в глазах пожившей женщины – разочарование, неверие, тоска, душевная боль, суровость. Мимолётного взгляда достаточно, чтобы увидеть в этих глазах, как натерпелась их обладательница. Как она готова покорно терпеть и дальше.

На память пришли слова из песни группы «Наутилус Помпилиус»: «Здесь женщины ищут, но находят лишь старость...». Под «здесь» подразумевалась одна конкретная страна. Но вообще-то «здесь» – это вся наша планета.

Откуда берутся эти примеси в глазах женщин? От жизни! Женские глаза отравлены жизнью до самой смерти.

Вот и Елена, почему она так жёстко со мной обошлась? Неужто, она с молодых лет была такой? Сомневаюсь. Это жизнь сделала её жёсткой.

Молодым девушкам свойственно верить в счастье. Верят ли в него пожившие женщины? Не уверен.

Так я, стало быть, должен просто жить и наслаждаться? Чем? Надвигающейся смертью всего живого? Сегодня здесь, как и раньше в городе, я вдоволь насмотрелся на признаки этой приближающейся глобальной катастрофы. Её уже видно за бесчисленными частностями. Я, значит, должен жить и радоваться как Смерть неотвратимым, холодным, беспощадным покрывалом медленно, словно растягивая удовольствие, накрывает всех без разбора? Я должен вдыхать смрад помоев, смешанный с трупным запахом, и говорить, улыбаясь голливудской улыбкой: «Вот она настоящая жизнь в этом лучшем из миров!» Мне предлагают каждый день начинать с любования своим отражением в зеркале и самозомбирования: «Ах, какой же я молодой, красивый и умный!» в то время, как мир вокруг проваливается в Тартарары!

Перед глазами вновь возник рекламный щит, что виден из окна моей квартиры: «Я выбираю быть счастливой». Вспомнилась и надпись на плакате, висящем в кабинете нашего зама: «Я свободен и счастлив».

О каком таком счастье может идти речь в этом угасающем на глазах мире?! Счастливым и свободным можно быть только тогда, когда ничего не видишь вокруг, кроме самого себя. Но если у тебя есть хоть одно родное существо, не важно – мать, жена, ребёнок, кошка, собака – ты уже не свободен, потому что вынужден постоянно, ежедневно переживать и заботиться о нём.

Они говорят: «Счастье и успех – это вопрос установки, данной самому себе». Но как можно, зная о том, что творится вокруг, давать себе такую установку? Они говорят: «Научитесь быть счастливыми, позитивными и увидите, как мир улыбается вам». Только миру улыбаться уже нечем – у него вместо рта осталось всего несколько гнилых зубов.

Апологеты этой философии, пытаясь успокоить таких несогласных, как я, говорят что мир – череда бесконечных перерождений. Что, когда всё, что я вижу и люблю, погибнет, родится другая жизнь. Только мне почему-то от этого легче не становится. С точки зрения высоко сидящего Творца, это, возможно, и нормально. Но мне дороже всего именно то, что я люблю. А о будущей народившейся жизни, после того как от меня даже костей не останется, пусть думают те, кто будет жить в те годы.

Нет, не по дороге мне с позитивной философией. Не могу я самоустраниться от зла, напастей, несправедливостей. Кем я буду, если даже сумею надеть шоры на глаза? А если не проходить мимо и вмешиваться в происходящее, от этой философии ничего не остаётся.

Великие успокоители рода человеческого, говоря о любящем Боге и нашем мире (лучшем из миров!), похоже, недоговаривали нечто очень существенное. Тогда я за них договорю! – Мир не страшен, в нем можно жить, для кого-то он даже распрекрасен, но только при одном условии: если всегда думать только о себе. Если же задуматься о самом мире, а не своей шкуре в нём, немудрено и умереть от ужаса.

И еще: как увязать установку на «просто жить и радоваться» с потенциями человека? Для чего нам дана способность размышлять, анализировать, делать выводы? Зачем дано право выбора? Почему мы называем себя «Человек разумный»? И к чему заезженное до безобразия выражение «Человек создан по образу и подобию Бога»? Всё это только для того, чтобы смотреть, как горит огонь в камине, чтобы вдыхать запах берёзовых веников и вкушать шашлык? А также ходить в нужник, предаваться ночным физиологическим отправлениям и петь хвалу Всевышнему за то, как хорошо он всё устроил и за то, как горячо он нас всех любит?

А не является ли вся эта философия частью программы по уничтожению человечества? Почему она стала так широко

распространяться именно в наше либеральное время? Нам постоянно твердят: «Полюбите себя, любимого! Тогда и только тогда вы сможете полюбить и других». Но как же раньше мы и понятия об этом не имели, но любили друг друга нисколько не меньше? Пожалуй, даже побольше.

Сначала либералы разделили общество на индивидуальности – отдельные атомы. А затем многочисленные проповедники привязали нас к зеркалу и предлагают заниматься самозомбированием, не замечая того, что происходит вокруг. Что-то я не замечал, чтобы горячие сторонники данной системы взглядов, ежедневно любя себя, стали так же любить других.

«Разделяй и властвуй!» – старый проверенный принцип. Были ли люди когда-нибудь во всей истории так разделены, как сейчас?

Если же все мои рассуждения неправильны, то кто объяснит, в чём правда?

Вадим Мальцев (г. Таруса)

Производственный процесс

Иван Иванович Холопьев, один из руководителей предприятия, выпускающего очень полезные изделия, всегда понимал свою значимость для общества, тем более что она подтверждалась не только его официальным заработком, но и прибылью, которая извлекалась любым доступным способом из всего, что было возможно.

Более того, изобретённая им система негласных штрафов не только увеличила поступления в казну производства, но и явила миру ещё одну успешную человеческую единицу. А внедрение метода ускоренного выпуска продукции стало откровением даже для иностранных специалистов, поражённых скрытыми возможностями собственного оборудования.

В деле организации производственного процесса, Холопьев был строг и неумолим – за любое нарушение им же выдуманных правил, головы виновных мгновенно «слетали с плеч», по пути в корзину успевая выслушать лекцию об отличиях европейского порядка от отечественной бестолковости.

Но пренебрежение технологическими особенностями не могло не сказаться на качестве изделий и, под суровым натиском доморощенного экспериментатора, нежное импортное оборудование всё чаще стало давать сбой, что навело руководство на мысль о покупке новой техники.

***

- Ну что, Ититькин, готовься, скоро заграница поставит нам новые станки, и вы сможете выпускать больший объём продукции за тот же отрезок времени, - порадовал однажды Холопьев кое-кого из своих подчинённых.

«Сколько ни сделай – всё равно вам мало, - подумал Ититькин. – А до зарплаты когда очередь дойдёт? Цены то растут ежемесячно, но мы как пахали за гроши – так и продолжаем пахать».

Правда, вслух бодро ответил:

- Наконец - то, Иван Иванович! Давно ждём, когда наступит этот светлый миг.

- Вот и молодцы, - похлопал его по плечу Холопьев, - ступай в цех, порадуй остальных.

Долгожданный день наступил очень скоро.

Рано утром, у проходной торжественно встретили заляпанный грязью «Камаз». После нескольких не совсем удачных манёвров, он притормозил у ворот цеха. Как только машина перестала пыть - сразу появились грузчики. С шумом они выволокли ящики и, громко переругиваясь, потащили их к месту «вечной стоянки».

Процедура сборки заняла около недели. После того, как чудо европейской мысли засверкало пока ещё не покорёженными деталями, за дело принялись наладчики.

Все эти дни, вокруг создаваемой технической диковины, носился неугомонный Холопьев и покрикивал на чумазных слесарей: вот-вот на завод должен был прибыть сам Хозяин, а к этому времени станок был обязан дать первую продукцию.

К приезду всё было готово. Лопasti инновационного монстра неистово вращались, сырьё так и ждало команды отправиться из бункера в путешествие по конвейеру, а обслуживающий персонал занял отведённые места, опасливо поглядывая на заковыристое заморское чудо. Все замерли в ожидании приказа.

Увидев приближающееся авто хозяина производства, Холопьев взвизгнул и ринулся навстречу.

- Здравствуйте, здравствуйте, господин Стибрин! – засуетился он, угодливо открывая дверцу автомобиля. - А мы тут, решаем поставленные задачи!

- Молодцы! – удовлетворённо ответил господин Стибрин. - Теперь хочу посмотреть, что у вас получилось.

- Вы что, не слышали, указание кормильца?! – грозно рыкнул Холопьев на рабочих, - живо за дело!

Цех ожил. Иван Иванович заметался с удвоенной энергией, а рабочие, мысленно отправив его по всем направлениям, начали готовить к бою техническое чудо.

Прошло ещё немного времени, как вдруг неожиданный вой сирен возвестил о том, что в деле внедрения инноваций, отечественные специалисты всё же уступают зарубежным, при этом допуская массу технологических просчётов.

- Это ещё что такое? – разозлился Холопьев, когда сирена, наконец, смолкла. - Немедленно разобраться!

- Быстро не получится. Нас ведь никто не учил на таких крокодилах работать, - возмутился Ититькин, - да мы...

- Да мне плевать, что вы! Как хотите – так и исправляйте.

Но усилия коллектива так и не принесли желаемого результата. После ряда неудач, гнев господина Стибрина достиг своего апогея,

и Холопьев, слегка заикаясь, предложил связаться с обслуживающей фирмой: раз они его придумали, то пусть сами и запускают.

Предложение было одобрено.

***

Итальянец Марио явился в цех в сопровождении переводчика, нанятого по этому случаю самим хозяином. Рабочие, с любопытством поглядывая на представителя Евросоюза, тут же принялись обсуждать его внешность.

- Глядите!- воскликнул Итителькин, - они ничем не отличаются от нас, только кучерявые и одеваются круче.

- Ну-ка, быстро, за дело! - рявкнул Холопьев и, взяв под руку Марио, повёл его к разлаженному станку.

Марио с недоумением поглядел на машину, покрутил какую - то деталь, достал мобильник и что-то застрекотал на своём темпераментном языке, отчаянно жестикулируя.

- Молодец, не то, что наши дармоеды! Сразу занялся делом, - задумчиво произнёс Иван Иванович и подвинул ему под зад табурет – импортному гению должно быть удобно.

- Правильно, - похвалил его господин Стибрин, - человек из Евросоюза знает, что делать. Ты пригляди за итальянцем, может что ему понадобится - тогда сил не жалея. Пусть заграница знает, как у нас ценят трудящихся!

- Будет сделано!

Всю следующую неделю Марио неустанно кому-то звонил, после чего крутил очередную деталь и снова доставал мобильник. Переводчик скучал, а Холопьев носился вокруг итальянца, стараясь выполнять его прихоти с тем усердием, с каким служил только господину Стибрину. Неизбалованный щедротами коллектив наблюдал за тем, как Иван Иванович, лихо щёлкая зажигалкой, давал прикурить итальянцу прямо в цеху - за такую дерзость любой отечественный Ваня запросто вылетал с производства, едва успев подумать о своём вредном пристрастии.

В обеденный перерыв за Марио приезжал лично господин Стибрин и отвозил его в самый дорогой ресторан, какой только был в городе – утончённому вкусу европейского пролетария не подходила простая и грубая пища отечественной столовой.

В ответ на заботу, Марио звонил ещё чаще и, как показалось Итителькину, иногда в его речах сверкал русский жаргон, поэтично оформленный в элегантный и певучий итальянский язык. Наговорившись, Марио бежал к станку, что-то крутил, потом снова лез за мобильником и так несколько раз в день.

Правда, несмотря на принятые усилия, инновационное оборудование и не думало выдавать продукцию.

Через переводчика рабочие наладили контакт с Марио. Первый же разговор показал, что его обязанности не слишком отличаются от обязанностей наших трудяг, но, как иностранный специалист, он имел существенные преимущества в заработной плате, размер которой, в случае её применения к отечественным пролетариям, сразу сулил возвращение мечты о таком далёком и забытом светлом будущем.

- Эх, вот бы нам пожить так, как итальянцы! - размечтался Ититькин, завистливо поглядывая на Марио.

- Мечтать не вредно, - осадили его коллеги. - Скорее к нам занесут какую-нибудь очередную дрянь, от которой давно отказались на Западе, и не более того. Так что прикрой как следует свою мечталку и иди вон, лучше Василичу помоги.

***

Наконец, всё получилось! Европейская техника выдала первую продукцию, согласно всем требуемым параметрам.

- Это ведь вот как замечательно всё складывается! – снова размечтался Ититькин, - модернизация облегчит производственный процесс, а то после смены гребёшь домой на ушах, как будто вкалывал целую неделю.

- Отлично! - ликовал Холопьев, - теперь двух рабочих можно будет сократить, а оставшимся увеличить нормативы!

Закончив свои дела, Марио отправился в солнечную Италию – лопать пиццу и любоваться развалинами Рима. Провожать его вышло всё руководство, и даже сам хозяин угодливо пожал итальянцу руку, глядя в глаза верным и заискивающим взглядом.

С почестями отправив иностранца, Холопьев собрал бригаду и велел запускать доведённое до кондиции чудо.

- Ну, начали! – воскликнул он и принялся «нарезать» привычные круги по цеху.

Первое время всё было хорошо: станок трясся, но выдавал продукцию, господин Стибрин одобрительно кивал головой, а Холопьев метался, предвкушая солидное вознаграждение за только что внедрённый технологический приём: максимальную нагрузку, выдержать которую могли только отечественные бездельники.

Способны то они были, но изнеженное итальянское оборудование, видимо, было не готово к такому «горячему» приёму. После нескольких

дней напряжённого труда качество изделий вновь упало, а потом и вовсе пошёл брак.

И опять гнев господина Стибрина пал на головы работяг, о чём они, как обычно, узнали в день получки.

- Получается, что Марио накосячил, Холопьев выдумал очередную дрянь, а мы виноваты?! - возмутились многие, после того, как их зарплаты претерпели очередное обрезание.

- Не умеете работать!- В Италии такое оборудование работает годами, а вас угораздило ухлопать его за несколько дней, - рассердился Холопьев и велел разобраться собственными силами.

- Как же, разберитесь,- почесал затылок Ититькин,- тебе бы только выжать максимум, а вложить минимум. Итальянцы никогда не работали в таком темпе, несмотря на свой горячий темперамент.

Но делать было нечего! Плюнув и на Холопьева, и даже на самого господина Стибрина, доморощенные мастера решили исправить просчёты руководства самостоятельно.

Несколько дней наладчики колдовали над заморской диковиной. Было заблокировано всё, что не хотело включаться, ко всему, что не хотело работать на максимуме, были применены народные методы, значительно ущемляющие права автоматики. Более мелкие доработки окончательно помогли приспособиться к отечественному производственному процессу.

Удовлетворены были все: Холопьев - за проявленное усердие и солидное вознаграждение, господин Стибрин - за прибыль, которая потекла рекой, а рабочие - от сознания того, что им не грозит наказание за нарушение технологии производства.

Кузьмищево - Таруса

10 - 28 апреля 2017г.

Наталья Мейн

ДЕРЕВО, или когда я вернусь

Так уж случилось, стою в саду под окнами, наблюдаю каждый день за одной и той семьей И ничего даже рада, что появилась здесь, и здесь проходит моя жизнь. Вот опять кто-то идет в сад. А ну да, это Вася – отец этого семейства. Еще у него есть жена – Катюшка. Так он ее называет, а она его – Васек. Мне они нравятся. Васек любит копаться в саду. Я всегда вижу его то с лопатой, то с тяпкой. И землю копает, и заборы чинит. И работает так споро, и ловко – залюбуешься.

А вот Катюшка, та все больше за цветочками ухаживает. Уже всю землю у Васятки отобрала под разные там гладиолусы, георгины, да флоксы. А розы, ну куда столько роз. А впрочем, мне все равно. Я же яблоня, я ни во что не вмешиваюсь.

Но меня Васятка любит. Даже скамеечку под моими ветвями соорудил. И как устанет в саду-то копаться, сразу плюх на скамеечку. А я его, то от дождя прячу, то ветерком обдуваю – машу ветками так, что аж ветродуй начинается. А вчера Васятка мои яблочки попробовал.

Сказал:

- Кислые еще, погодим Катюшка их срывать. Пусть нальются посочнее.

Я и не обиделась. А на что обижаться-то? Яблочки тоже свою пору знают – знай, наливаются каждый день.

А вот, вижу, Васятка уже упахался. Опять плюх на скамеечку. А ветки мои низко к земле спускаются. Потрогал он ствол, и я сразу почувствовала - рука у него горячая, да тяжелая, видно устал сильно. Опять что-то, там, в саду копал. Пора ему уже домой идти, а он все сидит. Вот уже звезды повысыпали на небе, а он все сидит - нет-нет, да поглянет на звездочки, зажмурит глаза и воздух так носом потянет. Чего и зачем не пойму.

Ну, я тоже на звезды глянула. Ничего особенного, звезды как звезды, каждую ночь мерцают надо мной. Иногда что-то вроде шепчут мне свысока. Я их не понимаю, но все равно люблю. Красоту в ночном небе наводят.

Не помню как, но вдруг что-то повеяло от ночного неба, как шлейф такой протянулся по всему небосклону наискосок, и коснулся меня.

- Что это? - почти вскрикнула я, и испугалась своего крика – вдруг Васятку напугаю. Но Васятка ничего не услышал, а может и услышал, но мне ничего не сказал. Вдруг чувствую, как рука Васятки прошла сквозь мой ствол и почти что вышла наружу с другой стороны. Что это такое? Не

могу понять. Я же все-таки дерево, а не дырявая какая-то корзинка. Сквозь меня ходить нельзя. Но Васятка, видимо, так устал, что прислонился к моему стволу и уснул. Ну, пусть Васятка поспит. Я тоже отдохну от этого суетного дня, на звезды посмотрю, расстелюсь своими ветвями по сумраку ночи, услышу стрекот кузнечиков. Это так успокаивает меня.

...Вот и солнышко встает. Но на душе еще как-то сонно, хочется еще полежать, повытягиваться в разные стороны. Покататься по кровати. Васятка попытался это сделать, но почему-то в этот раз ничего не получилось.

- Вот надо же, как меня Катюшка к стене прижала, - подумал Васятка, не открывая еще глаз. - Пошевелиться даже невозможно. Ну, значит, пора вставать.

Васек открыл глаза:

- Что это, я так в саду и ночевал?

Он глянул на окошко, что выходило в сад.

- О, Катюшка уже встала, - подумал Васек, - в окно выглядывает, и чего-то кричит - Васек, Васек. Меня что ли зовет? Ну, иду я, иду, не надо так кричать.

Васек сделал шаг вперед, и... остался на месте. Что же такое, я, что, в землю врос что ли, ноги совсем не слушаются. Васек глянул на ноги, и остолбенел – а ноги-то где? Ничего похожего на свои ноги он не увидел. Что-то корявое, мощное, похожее, похожее на что? Васек осекся - на что похожи мои ноги?

Ужас прострелил Васятку - с головы до чего? С какой головы? до каких чего? Ни головы, ни ног. Что это со мной, ничего не понимаю.

Почему так кричат Катюшка, да и Андрейка, мой сынок? Вот он, мой малец, бегают по саду и кричит: «...папка, папка».

- Вот он, я папка, - хочу крикнуть своему мальцу, а звука голоса нет.

И тут просто дикий ужас меня сковал – неужели чья-то нелепая шутка меня так преобразила. Это что, я уже не человек? Кто я? Человек-дерево или яблоня, которая меня заколдовала?

Я замычал буквально от бессилия в этой ситуации. Ничего поделать не могу. Своим ничего сказать не могу. Меня ищут, бегают, уже всех соседей на уши поставили. Я все вижу, самое-то горестное, но ничего не могу сделать. Молчу. Стою и молчу.

...Вот уже и яблочки налились. Но, не может Катюшка их снять с меня, яблони то есть. Как подойдет, сядет на лавочку, прислонится ко мне, так и плачет, и плачет тихонько так, слеза за слезой сами катятся.

- Так и не нашелся Васек, - шепчет Катюшка.- Сгинул в одночасье, и никто его не видел, никто не знает где он.

- Да вот он я, Катюшка. Ты что не видишь, что ли?

Вот болван. Конечно, не видит. Забываю постоянно, что я яблоня, яблоня я.

Вот уже и листья с меня опали, завяли кругом цветы и травы, пошли первые заморозки. Гладиолусы Катюшка даже с горя выкопать забыла, так и замерзли.

Вот и ветер подул, все северный да северный, нагнал холоду, туч. Как хлестанет по моим веткам, я в окно стучу:

- Катюшка, вот он я, не потерялся я, вот он я, твой Васятка.

Подбежит Катюшка, шторку откроет, и вижу, что шепчет что-то губами, наверное, меня зовет. И я кричу, кричу, до хрипоты, до стога, весь ствол свой измочалил, и ветки погнул. Но не слышит она меня. А мое сердце просто слезами обливается. Как же так, вот он я, рядом совсем.

Вот уж завьюжило, и сугробы полезли со всех сторон. В полудреме поглядываю, однако, на окно спальни нашей, смотрю, что Катюшка делает, чем занята. Вот дрова несет, вот и печка затопилась. Дым из трубы вверх идет прямехонько. Ну, значит, очень уж холодно. Главное до весны достоять, до солнца дождаться теплого, обогреться, оттаять, и конечно, сразу на сердце радостнее станет.

На каком сердце - я вздохнул. Бывает же такое. Что могло так случиться в этом мире, что вот был человеком, а стал кем? Ну, кем мне себя называть? И не человек, и не дерево.

Я так разозлился на себя самого, что пару раз себя ветками хлестанул, даже против ветра. Что мне делать? Что? Но кругом тишина... Никто не может мне что-то подсказать. Кроме звезд, конечно. Гляжу на них каждую ночь, вопросы им кидаю разные, все равно разговаривать больше не с кем. Так и с ума можно сойти.

- Эй-ей-ей вы там, наверху? Вы что не видите, человек пропадает.

...С крыш уже капать начинает. Сосульки длинные висят. Мой Андрейка бегают по двору, солнцу радуется. Вот уж лужи растеклись во все стороны. Как всегда у бани, за забором, ну самая большущая. Что я с ней только не делал, ничего не помогает, хоть тони каждый год. Надо бы гравию машину заказать, да и засыпать уже. Надоела мне эта лужа. Последний раз такое наводнение мне учинила, прорвала мне плотину из мешков с песком, да и во двор как мотанула эта лужа. И чтобы вы думали - так мотанула, так разлилась, что, аж, из туалета, что на улице (в деревне все про это знают, что туалет на улице, а не дома)... Так вот из этого туалета все куда понесло? Вот-вот, ну, прямо под яблоню, вот откуда

наливные яблочки такие сочные, наверное. Я чего-то поморщился - не хочу я больше этой лужи терпеть. Как представил, что и в этом году разольется опять. А разольется – это точно. Снегу-то вон сколько было. И опять, куда она прорвет? Ну, прямо под мои ноги.

- О, нет, - возопил я, – только не это. Не хочу я в этом благовании стоять, по колено в жиже вонючей. Срочно машину гравия. В эту весну точно, уж который год собираюсь. Вот, бестолочь, что это я размечтался. Какой мне гравий теперь. Я вздохнул так, что кора треснула, и больно зашипало бок. Что опять молчать?

Ну, уж дудки!

-Эй, вы там, наверху!! Вы что не видите, человек погибает. Быстро все сюда на помощь, помогите.

Ти-и-ши-на...

Да что это такое? Да разве такое может быть? Чтобы вот так с человеком. Да за какие грехи-то. Жил как праведник. Только щи хлебал, ну, по праздникам пироги, конечно, да пивком иногда баловался под парную баньку, и что я заслужил такую участь? Еще спилят ненароком под самый корешок. Я аж застонал от такой мысли. Меня и под корешок, да еще и в печке сожгут. Тут мне совсем худо стало. Я вдруг вспомнил, что все подговаривал Катюшку спилить эту яблоню, ну разрослась елки-палки на пол-огорода. Никуда не пройдешь, из-за трех ведер яблок. Злился я тогда, помню. Я ж хотел на этом месте беседку соорудить такую, круглую, чтоб с дружками после баньки в ней пиво попивать по-человечески, а не на пне. Я все, я сник и уши повесил. Стою, как истукан третий день, даже не шевелюсь, чтобы обо мне никто и не вспомнил, чтобы забыли, кто я есть. Кто я? Да яблоня самая простецкая, алтайская какая-то. Женка моя купила меня на рынке, говорит, чтоб без всяких там замерзаний по зимам. Мы ж в Сибири живем, а не в теплых краях. Что б, говорит, самая что ни на есть, устойчивая была, к этим самым заморозкам да морозам трескучим. Устойчивая самая, то есть. Да устоял я, устоял. Правда, сейчас вспоминаю, как стоял-то эту зиму, что-то передернуло меня. Сугробы - во! Ветер, как озверелый, ночи не просто холодные, ледяные прямо. Снег такой навалился, все мои ветки, что послабее, обломал. Как я теперь буду выглядеть без веток по весне-то? До сих пор дрожь в коленках. Еле тепла дождался. Стоял, как истукан, всю зиму на одном месте. Попробуй, постой-ка, ни попрыгать, ни согреться.

...Ой, кажется, мне на нос что-то капнуло. Ой, батюшки, да это же весна! Мать твою, дождался. Ой, какая зима была долгая. Чуть не околел со страху. Ну, теперь-то я разойдусь, как расцвету душистым ароматом, как нальются мои яблочки за лето.

А вот и моя Катюшка! Какая красавица у меня женка-то, залюбуешься. И чего это я все на нее ворчал, ума ни приложу. И работающая, и соленья на зиму заготовит, и свитерок мне теплый свяжет. А щи какие, борщи готовит. А пироги. Ой, даже под ложечкой засосало. Так захотелось чего-нибудь вкусненького, да хоть жареной картошки на худой конец с черным хлебом, пахучим. И без пивка даже можно. Что пиво, выпил, и нет его. А вот к Катюшке прижаться так захотелось, сил никаких нет. Коса у нее во! Все мужики пелятся. Ну, сейчас пусть не пелятся. Катюшка, я здесь, ну здесь я.

...Ой-ой, что весна со мной делает. Я кто? – яблоня я, ну мужского роду я теперь. А если я теперь мужского роду, будут яблочки на мне, али не будут. Это вопрос из вопросов... Да, надо подумать.

Снова ночь на дворе. Ой, как звезды высыпали, мама моя. Все блестят, перемигиваются. Неужели мне подмаргивают, или что сказать хотят? Не пойму о чем вы там шепчетесь. Вижу полоса неба зарделась какой то алой краской, бывает же такая красотища. Так хочется по небу прогуляться, взлететь как ракетой, прошвырнуться по этим самым, как их, галактикам.

Да, хорошо. Но все-таки лучше под звездами с Катюшкой на высоком угре постоять, развести костер, и чтобы в небо с искрами горел. Наварить ухи и потом пляски вокруг костра. Вот это жизнь, я понимаю. А то что-то я упустил в жизни своей - все с лопатой да киркой, да граблями, да топором, даже на звезды некогда было глядеть. Считал, что некогда.

А вот теперь-то уж я настоялся за всю зиму, как пень настоялся, и на звезды нагляделся, то ж и поразговаривал с ними. И на зарю и на солнце, на все нагляделся. Такое ощущение, как вдохнул я все это, и выдохать не хочется, такой сумасшедший воздух у нас в деревне. Эх, размахнись моя рука, да раззудись мое плечо, а вот я сам Васек. Да хорошо на свете жить. Жаль, что моя Катюшка меня не слышит.

Ой, что это полоса-то на небе смотрите-ка - расширяется, вижу неба синь, да не та, не нашего неба синь-то, а вокруг огни звездных галактик так искрятся, ей богу, как ошалелые, кружатся, вертятся. Такого я еще не видывал. Чтоб небо так вертелось, как поток воды в водовороте. Вот уж и звезды все втянулись в этот водоворот. Вот и меня куда-то потащило. А куда же это меня так тащит? Не хочу я никуда. Да что ты будешь делать, так с корнями и выдернуло. И в этот водоворот. И все темней и темней. Я падаю, падаю. Куда? Страшно, не могу больше. Ау, где я?

...Васек открыл глаза. Вновь блеснуло солнце. И Васек обрадовался, ну, наконец-то, все по-прежнему, а то что-то я не понял, что было накануне, что-то ужасное. Да, наверное, приснилось. Перестоял на одном

месте. Вредно это, оказывается, стоять-то на одном месте. Так попрыгать хочется, хоть на одной ножке, до баньки и обратно. Ага! Опять размышлялся. Стой себе сколько влезет.

Ой, а утро такое яркое, как тогда, когда еще молодыми был.

Здравствуй, новый день! Что ты мне сегодня новенького принесешь? Во, соловушка на ветку сел. Спой мне песню птичка соловейка... Чудная песня, так бы и слушал. Надо Катюшку позвать вечером под яблонькой посидеть, да соловейку послушать. Вот болван, да как же я позову ее, мычать и то не умею. Ну, буду ласкать ее веточками своими зелененькими, красавицу мою.

Тут я представил, как это будет и потянулся изо всех сил. Что это, я не понял, руки тянутся, ноги тянутся. Я глянул вниз. Батюшки мои свет. Меня как прошибло. Я что не дерево уже? Я глянул еще раз вниз - ноги как ноги... Я что, не яблоня уже, я что человеком опять стал? Целый год торчал тут, как последнее дерево, а теперь? В голове моей аж что-то замкнуло.

Да вот, балбес же я, да сон это такой был. Боже мой, ну и натерпелся я. А все так ясно было, как сама жизнь. Не придумаешь такого, если сам в эту историю не попадешь. Тут из окна выглянула Катюшка:

- Васятка, ну ты, ей богу, даешь. Ждала-ждала тебя, да уснула. Ты что, там всю ночь был? Не выспался, поди.

Да уж выспался так, что лучше не вспоминать, лучше забыть вовсе этот сон-не-сон.

- Чем займемся сегодня, Васятка? – опять спрашивает Катюшка. - Ты что опять грядки копаешь или все-таки забор доделывать будешь?

- А знаешь что, Катюшка, а ни то, ни другое! Пойдем-ка мы с тобой к реке прогуляемся, посидим у речки на крутом берегу, потом наловим рыбки, да ушицы сварим, как тогда помнишь?

- Ты меня удивляешь, Васек. То тебе всегда некогда было, то теперь уж готов на все. Уж сколько я тебя уговаривала, хоть чуток отдохнуть по-человечески, а ты все нет да нет, всегда некогда. Уже и разговаривать-то с тобой перестали.

- Знаешь, что, Катюшка, моя ненаглядная, как я рад видеть тебя, звездочка моя ясная, если б ты знала.

Я вдохнул аромат ее волос, и у меня аж голова закружилась – такой родной запах, то ли трав, то ли еще чего-то. Слава богу, жизнь моя еще продолжается.

- Собирай Андрейку – отдыхаем сегодня.

Я оглянулся назад.

- А яблоньку бы поблагодарить надо – красавица она у нас.

Она помахала мне своими ветвями, или это мне показалось?

- Ты ж спилить ее хотел.

- Да что ты, солнышко мое, да ни в жизнь. Яблонька-то наша такого натерпится, пока яблочки-то вырастит. Тяжкая жизнь, не приведи, господь, в наших краях с морозами, да сугробами. Такого натерпится...

- Разболтался ты что-то, Васятка. Пойдем уж.

- Бегу моя милая, бегу...

Настоялся уж, будь здоров.

Лебединая верность

Как над морем-океаном шумным облаком летела стая белых лебедей.

Лунным светом озаряясь, солнцем жарким согреваясь, день и ночь они летели к теплым, южным берегам. Лишь на время, лишь на стужу покидали край родимый, чтобы там, вдали, на юге, сердце трепетно сжималось о покинутой отчизне – о лесистых берегах, темных скалах, буйных ветрах, незамутненных озерах с бликом солнца на волнах, где под сенью ветл печальных встретил Лебедь Лебедицу.

Молча голову склонил он, вдруг сраженный красотой – в белокипенном наряде, с гордо величавым взором. Волны буйные смирялись, устыдясь своей натуры, и покорно-удивленные усмирялись вокруг нее. Не успели даже молвить Белый Лебедь с Лебедицей – взвилась шумно стая в небо, крылья белые упруго поднимали ввысь.

В барашках волн, игриво, солнце ярко отражалось, струи воздушные прохладой остужали жар сердец. Ночью месяц им стоокий в зрачках таинственно мерцал и жизнь, прекрасную как небо, сулил и счастье обещал.

На третьи сутки на закате стремительно содвинулася тьма. Блеснула молния, и градом была изранена она. На белокипенном наряде стекала струйкой кровь. Сомкнулись крылья белоснежны, и камнем падала она в бушующее море. И громко вскрикнул Лебедь Белый, и долго плавал по волнам, и плакал безутешно. И звал ее, и обещал все царства мира, звезды неба и все цветы лесов, полей. В отчаянии израненное сердце кричало клятву верности своей. Но нет нигде подруги верной. Лишь белое перо качается в волнах.

Уж если нам пример дают собратья наши меньшие, то, как же человек?

Ужель он сердцем черств?

Ведь подвиг каждый день и каждый день зовет на подвиг, неважно – коротка ли ваша песнь, иль длинна. Лишь важно не предательством закончить свою песнь.

Нет малых подвигов!

Есть сердце, лишь любовью наполненное, и есть ли сострадание в нем, иль нет его!

Тогда уж не пора ли нам у своего меньшого брата вновь поучиться песне лебединой.

Зарисовки о природе

Вечереет. Ушел зной лучезарного дня. Прохладный свежий ветерок почти неслышно перебирает ветвями тонкоствольной ивы, опутившей свои ветви до темной прохлады мерцающих вод. Алой краской залился закат. Игра воздуха, света и последних лучей уходящего солнца в своем бесконечном многообразии отражала все немыслимые и сияющие невообразимой чистотой краски и блики как бы другого, не принадлежащего нам, мира

И жизнь, и радость, ликующие там, так далеки от нас, так прекрасны. Они захватывают все существо, и, кажется, нет на свете ничего более прекрасней и чудесней, кроме этого, первозданного и чистейшего в своей искренности и величии Лица Природы, еще одной ипостаси Бытия.

Послушные Творцу, его могучей кисти, его вдохновению льются на землю потоки вечной Благодати, как бы говоря человеку – встань, смотри, внемли и пей эту божественную Благодать, испытать и насладиться которой невозможно, ибо она Вечна и Прекрасна.

Листопад

Желтеет лист, наполняя аллеи душистым запахом отцветающего лета, аромат земли проникновенно ложится на сердце, и щемит слезой уходящее прошлое. Отчего так сладостен, печален откровенный разговор с самим собой? Понимание ли своей души открывает он нам в такие редкие, светлые минуты? Или, может, именно так мы слышим тихий шепот Природы, или что-то более высокое и таинственное напоминает нам о своем присутствии, разрывая сердце своим откровением?

Так плачет сердце от невыносимой радости общения с давно забытым другом, и преданным так пошло за грошовые мелкие житейские радости каждодневной жизни.

Все может быть. Отрицать непознанное трудно, нелепо. Омытое слезами очищения, сердце утром следующего дня бывает так забывчато.

И все же, пройдите осенним днем не торопясь, под падающим листопадом – неслышно и тайно приходит в ваше сердце единственная и манящая радость на этом свете – любовь Природы, которая всегда с вами, внутри вас. Услышьте ее шепот и благодать, печаль и радость – тайные Вестники Жизни.

Язык музыки

Вечернее солнце едва коснулось верхушек деревьев и в отсвете неба появились новые краски. Облака, окрашенные в розоватые и малиновые цвета, таинственно соприкасаясь в вечернем небе, являли собой необыкновенные картины, умиротворяя сознание, и сладкой песней ложились на сердце.

Воздух становился ароматней, прозрачней. Где-то далеко слышались звуки волшебной свирели. Спускалась таинственная ночь и звуки волшебной музыки, мягкой и нежной, как краски вечерней зари, сливались с природой. И это тонкое взаимопроникновение музыки и природы было естественным, и одновременно необыкновенно таинственным и глубоким. Проникая куда-то глубоко внутрь и приоткрывая в сознании все новые и новые мироощущения, оно меняло понимание жизни во всех ее многочисленных вариациях.

И именно эти тонкие, едва уловимые мгновения, когда душа сливается с Мирозданием и находит свое отражение и созвучие с ним, есть сладчайшее наслаждение и обретение самого себя.

Растворитесь в песнях Мироздания, вслушайтесь в ее дивные, полные гармонии напевы и мелодии. Это и есть Жизнь Души – Вечная и Прекрасная. И только это поднимает Душу к Любви и счастью.

Подкова на счастье

Анна смотрела в окно. Мела пурга. Он уходил слишком быстро, и через минуту уже не было видно следов. Он ушел... А еще вчера мы были друзьями, самыми лучшими друзьями.

... Молчание затягивалось. Говорила только Анна. Он смотрел в окно и молчал. Она ждала от него хоть одного слова.

Ему трудно сказать, что пора расстаться? Ему больно сказать, что вместе быть больше не стоит? Ему стыдно в чем-то признаться? Анна терялась в догадках. Он молчал. Она говорила о том, что любит, и любила

всегда. О том, что готова ему помочь, если помощь ему нужна. Чтобы не случилось, она всегда будет рада его приходу. Он молчал.

- Почему? - Спрашивала она, - почему ты все время молчишь? Ну, скажи хоть что-нибудь, нам есть, что сказать друг другу.

Он, молча, повернулся, и не глядя на Анну, вышел. Щелкнул замок, и с двери упала подкова «на счастье». Звук от ее падения повис в воздухе. Это была их подкова. Общая, одна на двоих. Он подобрал ее где-то на улице много лет назад. Они смеялись, шутили, что подкова их сдружила, сблизила и теперь она просто обязана охранять их счастье и дружбу.

Анна подняла подкову, машинально протерла ее кухонным полотенцем и повесила ее на свое законное место.

Завтра? Придет ли он завтра? Она посмотрела на подкову. Та блеснула натертыми до блеска гвоздиками. Анна улыбнулась. Теплая волна воспоминаний, как в те времена, прокатилась по сознанию Анны. Она вновь взглянула на подкову.

- Он придет, - сказала Анна сама себе, - обязательно придет, мы слишком хорошо понимаем друг друга. И он знает меня так же хорошо, как и я его. Подкова лишь напоминание нам о том, что мы как единое целое очень нужны друг другу.

Путь-дороженька

Как по небушку синему, как по звездочкам ясным, как по зорьке лазоревой путь-дороженька вьется, как по травушке-муравушке, да ракитовым кусточкам туман густо стелется.

Ты смотри, да часто на небесные камушки, звездочки ясные – путь твой ясен будет. Ты сверяй свою совесть с зорькой лазоревой – сердцем чист будешь. Ты взглядишь в небо синее и бездонное – душа светом наполнится.

Ты не гни свою головушку к травушке-муравушке – туманом застелется. Не смотри под ноженьки – сплетутся веревочкой темной.

Как по зорьке лазоревой да по небушку синему, да по звездочкам ясным путь далек лежит. Путь далек лежит, нас с тобой зовет, призывает:

- Гой ты, добрый молодец, али девушка славная, сердцем чистые, душой светлые. Не кляните вы людей недобрых, вы простите их неразумных. Вы возьмите с собой в путь-дороженьку любовь к детям малым, к родителям старым, к зверю дремучему, к птице лесной, к твари любой.

Там, в мире ином, высоко-далеко – Царство Светлой Мечты, Вдохновения, Царство Радостных Дел и Мыслей Полет, Царство Дум и Надежд Свершения.

Сказки Дедушки Веремея

Добрый день мои юные друзья, и может, и не совсем юные, а и те, кто любит беседовать со мной на самые разные темы. Как вы догадались, это снова с вами я, ваш друг Дедушка Веремей. А хочу я вам рассказать одну историю, которая приключилась со мной. История совсем даже не смешная, а скажем так, даже немного грустная, потому, что ошибся я в своих прогнозах. А произошло со мной вот что. Была весна, и я решил немного прогуляться в березовом лесочке. Итак...

Добрый след

Я видел след доброго человека. Я шел за ним. Я читал его думы и слушал его сердце. Я видел его дела и удивлялся, как много он знал. Где нужна была его помощь – помогал, и нигде не ошибся.

- Что за прозорливый человек, - думал я. – Я иду и не вижу, кому и где пригодилась бы моя помощь. А он видит.

Вот ручей. По тропе, ведущей к броду, спускаюсь к ручью, и вижу брошенные им камни, которые помогают мне перебраться на другой берег. А ведь я, бывая здесь, каждый раз прыгал через ручей, порой соскальзывая вниз по илистому берегу, но, ни разу в мою голову не пришла мысль положить туда пару камней. И мне стало стыдно за свое слепое сердце.

А вот тут, поперек тропинки, лежало большое дерево – береза, поваленная бурей. Сколько раз я сетовал, перелезая через ее толстый ствол. Теперь вижу – аккуратно распиленные чурочки стоят вдоль тропинки – и не мешают пройти и отдохнуть можно. Подивился я делам человека, сделавшим их. Видно, добрый молодец появился в наших краях, богатырь.

С легкостью шел я по лесной тропинке и пытался угадать, какие же еще добрые дела мог совершить этот богатырь. И через некоторое время я увидел какого-то человека. Он залечивал раны у березы. Видно кому-то захотелось попить березового сока. Попить-то попил, а березу чуть не сгубил – истекала она соком своим. А ведь без этого живительного сока иссякла бы и краса ее и жизнь.

Удивительно ласковым и добрым светом блеснули на меня глаза дедушки, и я остановился поговорить с ним. Из разговора я понял, что не считал он своих добрых дел, а всегда старался помочь там, где мог, и делал это с великой радостью и охотой. И я понял, что если у человека

доброе и отзывчивое сердце, то оно всегда подскажет ему в нужный момент, где нужна его помощь.

Многому можно научиться у человека с добрым сердцем. Например, не причинять всему живому, и в первую очередь людям, боль и неприятности, оскорбления и унижения. Но нужно еще уметь дарить миру добро и любовь. Даже если за эти дела ты никогда не услышишь и слова благодарности. И тогда весь наш большой мир поймет и примет тебя, ибо ты созвучен ему. Ведь ты, также как и он, несешь всему живому мир, любовь и счастье. На этом и строится вся жизнь. И этому Миру, в котором живем мы, люди, и много-много других существ, обязаны своей жизнью. Этот Мир нас кормит, балует неожиданными подарками, открывает новые дороги, ослепляет красотой горных вершин, сияющих водопадов, пением птиц и многим другим. И тот, кто поймет, в чем смысл жизни, тот будет жить долго.

На этом я прощаюсь с вами, мои юные друзья. Осмыслите то, что я вам рассказал. И до новых встреч. Всегда с вами, ваш друг Дедушка Веремей.

Регина Зайнуллина

История одной куклы

Когда мне было лет шесть, родители подарили мне первую в жизни куклу Барби. Её привезли из какой-то командировки, потому что у нас продавались только пластиковые китайские копии. Но эта была особенная! Она была сделана из прорезиненного материала, с густыми шикарными волосами и тщательной проработкой всех деталей лица.

В то время такая красавица редко встречалась у девочек в маленьком городке, поэтому она сразу стала моей любимицей. Я обустроила ей полку с диванчиком и какой-то утварью и нарекла королевой всех кукол.

Со временем я начала замечать в ней какие-то странности. Например, я могла оставить её в одном положении, а, вернувшись в комнату, обнаружить в другом, оставить её полку прибранной, а утром увидеть её вещи разбросанными. И особенно изменились её глаза. Она как будто смотрела на меня все время, и я часто начала замечать, что её голова бывает повернута к двери, когда я вхожу в комнату. Меня это не пугало тогда, почему-то я была уверена, что все куклы живые и это нормально.

Еще пару лет я с удовольствием играла с ней, хоть мне дарили и других кукол, но время идет, и дети вырастают из своих забав. Так кукла попала на дно большой корзины уже никому не интересных игрушек и пролежала там много месяцев не тронутой. Иногда утром я замечала, как её рука торчит и тянется сквозь прутья, как будто просит о помощи выбраться оттуда.

Это в 25 лет я снова вернулась к игрушкам и люблю их безграничной любовью, а тогда мне было уже 11 лет и я была "слишком взрослая" для таких детских игр.

И вот, однажды ночью я лежала без сна и смотрела на полную луну, висевшую в небе за окном, как вдруг на подоконнике возник какой-то силуэт. Это была Она! Моя кукла! Моё сердце бешено застучало, и я затаила дыхание. Кукла постояла несколько секунд, быстро перебежала по подоконнику на другую сторону и исчезла из вида. Я до сих пор помню эту картину. Она сфотографировалась в моей памяти на всю жизнь и осталась одним из самых ярких и загадочных воспоминаний детства. Я понимала всю странность и не нормальность ситуации и очень испугалась. Одно дело думать о кукле, как о живой, а другое - смотреть, как она бежит среди ночи при свете луны.

Я сразу решила, что никому не расскажу, потому что надо мной посмеются и погладят по голове, как абсолютно всегда делали родители, если я рассказывала о чем-нибудь странном (а странностей в моей жизни всегда было много).

Утром я первым делом бросилась к корзине с игрушками и, вывернув всё наизнанку, убедилась, что куклы там нет. Я начала думать, где искать и, вспомнив, что она бежала как раз со стороны корзины в сторону дивана, начала искать за ним. И нашла. Она застряла между стеной и стенкой дивана, её нога попала в щель, и я сама с трудом её освободила.

В тот день я посадила её на полку, так как боялась возвращать в корзину. И через несколько дней, когда мама спросила, нет ли у меня ненужных игрушек для одной маленькой девочки, вручила куклу маме. Домашние тогда сильно удивились и даже пытались отговорить, ведь все знали, как я её раньше любила, но я была непреклонна.

Так кукла навсегда исчезла из моей жизни, но я до сих пор жалею об этом. Если бы я могла вернуть время обратно, то ни за что не отдала бы её...

Старый офис

Несколько лет назад, когда я только начинала трудовую деятельность, я работала в офисе одного очень старого здания. И вот, однажды, мне пришлось выйти в выходной день, чтобы доделать работу. Я пришла рано утром, намереваясь успеть сделать все до обеда, и дверь в здание мне открыла заспанная вахтерша. Закрыв за мной на ключ, она вернулась в свою комнатку, а я села за работу в своем кабинете.

Где-то через час я услышала тяжелые шаркающие шаги в коридоре. Кто-то еще пришел работать в выходной, решила я. Шаги медленно подошли к моей двери, которая была совсем чуть-чуть приоткрыта и остановились. Я смотрела на дверь, намереваясь поздороваться с тем, кто заглянет, но человек стоял прямо за дверью и не заходил. Я решила открыть дверь и посмотреть, кто там стоит, но в этот момент у меня зазвонил телефон. Я взяла трубку и брезгливо отодвинула её в сторону, потому что в ней был только громкий треск и шипение. Положив телефон, я услышала, как шаги поспешно удалились и дверь в какой-то из кабинетов на этаже хлопнула. Через несколько минут еще раз хлопнула и шаги поднялись по лестнице на второй этаж. Видимо, вахтерша проверяет кабинеты и этажи, решила я и продолжила заниматься делом.

Часа через два, уже заканчивая работу, я снова услышала шаги и дверь соседнего кабинета хлопнула. Шаги подошли к моей двери и снова

кто-то встал прямо за ней. И у меня снова зазвонил телефон и снова там было какое-то шипение и треск. Да что с этим телефоном сегодня! Я бросила трубку. Шаги быстро удалились на лестницу и поднялись на другой этаж.

Закрыв кабинет, я отдала ключ вахтерше и уже собираясь выйти, зачем-то спросила: кто еще сегодня работает в здании, или это она ходила по коридору.

На что удивленная женщина сказала, что она не выходила из своей комнаты, а в здании больше никого нет. Она открыла дверь только для меня, а за мной сразу закрыла. И, да - она слышала, что кто-то хлопал дверьми, но думала, что это хожу я...

Пожелав ей хорошего дня, я вышла из темного старого здания на дневной солнечный свет.

Предвещающий смерть

В мире есть множество мистических мест. Одни из них притягивают и наполняют энергией и здоровьем, другие пугают и вызывают желание бежать и никогда не возвращаться...

Это озеро лежит посреди поля, недалеко от одной из башкирских деревень. Вокруг озера не растут кусты и деревья, лишь пожухлая травка, а воды его необычайно темны. Деревенские не ходят к нему и не набирают в нем воду, слишком дурная слава у этого места.

Случилось это много лет назад, когда наши родители только появились на свет, а бабушки и дедушки были молоды и энергичны. Они то и поведали о том, что однажды ночью над деревней раздался страшный вой, от которого у людей кровь в жилах стыла, а сердце наполнилось непреодолимым страхом. Те, кто осмелился выйти и осмотреться, рассказали, что видели какую-то черную тень, похожую на человеческую, но сгорбленную, с худыми руками и ногами. Она ходила вдоль озера и выла. Затем нырнула и исчезла в темных водах.

Утром люди пошли к озеру и увидели множество неизвестных им следов. А в деревне умерла одна старушка.

Через несколько месяцев это повторилось снова. Снова темное существо вышло из озера и огласило страшным воем окрестности, а на утро в деревне снова умер человек...

В людях поселился страх и к этому озеру перестали подходить близко. Все чувствовали, что оно опасно, как хищник, который ждет свою жертву.

Только вот, существо продолжало время от времени выходить и выть по ночам и все деревенские знали, что завтра кто-то из них не проснется...

Тогда, старожилы попросили помощи у всех соседей и собрали мусульманских священников, которые хоть и были запрещены советской властью, но всегда были в башкирских деревнях.

Приехало их 7 человек. Ранним утром, на рассвете Муллы сели у озера, раскрыли священные книги и начали читать молитвы. Воды озера взбурлили, но они продолжали читать и не останавливались до самого захода солнца.

Так они запечатали существо внутри озера, и оно больше никогда не появлялось, но к озеру до сих пор никто не ходит, так как все жители деревни от мала до велика знают, что там, на дне, живет что-то страшное и необъяснимое и, возможно, ждет своего часа...

Заброшенный дом

В детстве и юности я каждое лето проводила в деревне. Конечно, там у меня были подружки. Одна из них жила на самой дальней улице, которая располагалась, как бы отдельно от всей деревни и что бы попасть к ней, нужно было дойти до конца деревни, а потом идти еще несколько минут вдоль заборов, за которыми находились картофельные огороды. Меня всегда слегка коробил этот участок пути, так как там не было жилых домов, одни длинные заборы и стояла полная тишина.

А заканчивался этот путь выходом на маленькую улицу из нескольких домов, в самом начале которой стоял покосившийся заброшенный дом. Однажды бабушка сказала мне, когда я была еще маленькой, что в этом доме живут черти и его надо обходить стороной. Это крепко засело в моей памяти и каждый раз, когда я проходила мимо этого дома, в моей голове звучал голос бабушки.

И, вот, когда мне было лет 14, я немного задержалась у подруги и не заметила, как за окном стемнело. На улице зажегся единственный фонарь, который не мог осветить улицу полностью. Я поспешила домой. Улица, как и всегда, была пустынная и тихая. Где-то в деревне ездили мотоциклы и гуляла молодежь, но до людей еще надо было дойти.

Я шла быстрым шагом, приближаясь к заброшенному дому и в моей голове снова зазвучал голос бабушки: в этом доме живут черти. В ночной тишине дом казался еще более зловещим, чем днем, и я старалась не смотреть на него. Но в тот момент, когда я проходила прямо мимо его старого сгнившего забора, я услышала негромкий смех,

доносившийся со стороны дома. Моё сердце бешено забилося. Я взглянула на дом и у меня затряслись коленки, потому что в темном оконном проеме я увидела две пары красных раскосых глаз. Кто-то снова засмеялся и один глаз мне подмигнул.

Я бросилась бежать, не помня себя от страха и даже не заметила, как проскочила огородный отрезок и забежала в деревню. Только попав на улицу, где всюду кипела жизнь, горели фонари и свет в каждом доме, я отдышалась и пошла домой. Больше я не ходила по ночам мимо этого дома.

Бункер в лесу

Будучи студентами, мы с подругами любили после пар (а иногда и вместо) загрузиться в машину и ехать на пикник на реку Кама, любоваться природой и болтать о всяком женском.

В тот день стояла теплая осенняя погода. В машине нас было четверо. Мы ехали по берегу и искали место для стоянки. Девочке за рулем пришла идея заехать в лес по тропе, которую мы случайно обнаружили. Она привела нас на полянку, которая прекрасно подходила для пикника, но в середине этой поляны стояла бетонная площадка высотой с человеческий рост. Трое из нас пошли выяснять, что это, а хозяйка машины осталась отряхнуть коврики и протереть стекло.

Мы вдвоем с подругой забрались на площадку без особого труда, а третьей пришлось помогать. Она была маленького роста и никак не могла дотянуться до края.

Забравшись, мы обнаружили, что площадка - это вход в открытый бункер, а вниз вела длинная железная лестница. Ну, конечно же, мы решили спуститься и посмотреть, куда она ведет.

Ступени привели нас на глубину трех этажей, дальше всё было затоплено. Мы стояли на втором уровне и смотрели на темную, затхлую воду и мне, вдруг, резко стало страшно. Интуиция, никогда меня не подводившая, отчаянно сигналила о бегстве. Я развернулась и только стала подниматься, как услышала всплеск. Обернувшись, я увидела, что мои подруги подобрали осколки бетона с площадки и бросают их в воду. Они продолжали о чем-то болтать, но их разговор прервался на полуслове, когда с очередным камнем в воду, бункер слегка содрогнулся. Несколько секунд полной тишины сменились тяжелой поступью на железных ступенях. Еще шаг... И еще... Кто-то поднимался по лестнице снизу и хотя, сама лестница была пуста до самой воды и хорошо

просматривалась, медленные приближающиеся шаги отчетливо были различимы в тишине бункера.

Мы закричали от панического страха и бросились бежать. Вылетели из бункера, спрыгнули с площадки и дико размахивая руками побежали к машине. Но тут услышали плачь позади. Наша третья девочка, та, что была маленького роста, не могла спуститься с площадки и звала нас на помощь. Страх, был просто дикий, но, блин, не бросать же её там! Мы развернулись и бросились обратно, снимать её с площадки. Шаги были всё ближе.

Схватив её за руки, чтоб не отставала, уже втроем мы запрыгнули в машину, которую подруга за рулем успела завести, хоть и не понимала причину нашей истерики и рванули оттуда на всех порах.

Больше мы на эту поляну не ездили, но долго вспоминали этот странный случай.

Татьяна Воронова

Колокольчик прокаженного

... Никто не знал, откуда взялся этот обычай — казалось, он существовал с тех пор, как в городе появился первый прокаженный. Уж такая болезнь проказа — где первый, будет и второй, а там и до третьего недалеко... Как и везде, зараженные поселялись (вернее, их насильно селили) за городской чертой, в старых лачугах, готовых вот-вот развалиться, но которые, понятное дело, никто и не думал чинить. Каждый из прокаженных обязан был носить на шее колокольчик, предупреждающий горожан о случайном приближении заболевшего. Никто не знал, откуда взялся этот обычай. Но соблюдался он свято.

Ромалия и ее родители жили в городе недавно — с тех пор, как отец девушки получил здесь должность судьи. Пользуясь свободой нравов, царящей в этих местах, Ромалия часто бродила по улицам, любовалась старинными домами, кормила птиц на площади, коротала время у фонтанов — иногда в сопровождении служанки, а иногда и одна: одежда выдавала в ней богатую горожанку, которой многое позволено, — да и кто бы посмел обидеть дочь самого судьи? За Ромалию во время этих одиноких прогулок не беспокоились ни ее родители, ни она сама. Оживленный город, по сравнению с жизнью в загородном имении, где Ромалия воспитывалась и выросла, гораздо больше подходил для ее наблюдательного, пытливого ума.

Несколько раз, бродя по улицам, Ромалия видела женщин (чаще почему-то женщин), которые несли горшки с едой и сосуды с питьем, направляясь в сторону городской окраины. Она бы не обратила на них внимания (мало ли горожан снует туда-сюда с какой-нибудь ношей), если бы не внешний вид этих женщин. Несмотря на жару, они кутались в белую ткань наподобие плаща, их лица были закрыты платком чуть ли не до самых глаз, а руки — вернее, их открытая часть — замотаны тряпками. Женщины словно опасались даже капельки воздуха или лучика солнца.

Что означало это странное одеяние? Расспрашивать самих женщин Ромалия не могла: слишком уж быстро они всегда проходили мимо. Девушка решила поинтересоваться у пожилой соседки, когда та зашла однажды вечером в гости.

— Это несут еду прокаженным, — ответила соседка.

— А где они живут? В развалюхах за городом? — догадалась Ромалия.

— Как же они узнают, что к ним пришли?

– Да никак, – вздохнула соседка. – Они знают условное место, куда им приносят пищу, да иногда одежду. Туда и приходит один из них, забирает.

– А откуда горожане знают, что этим людям нужно? Кто-нибудь разговаривает с ними? – допытывалась девушка.

– Что ты! Что ты! – замахала руками соседка. – Приносят, ставят и тут же уходят. Особенно если колокольчик услышат, который прокаженные себе на грудь вешают. И ты, барышня, запомни: если этот звон где раздастся – беги оттуда без оглядки, сейчас же беги! Значит, кто-то из заразных случайно в городе оказался или еще одного в те хибары выселяют...

Ромалия задумалась. Характер у нее был решительный, а сердце доброе. Единственная дочь любящих, но разумных родителей, щедро одаренная жизнью, но при этом не избалованная, Ромалия не могла не сочувствовать любому, кто оказался в беде, тем более в такой. Может, и ее помощь пригодится? Главное, чтобы только ей позволили... С кем бы посоветоваться? Что, если пойти к лекарю, который живет на главной площади? В городе его уважают...

Лекарь принял Ромалию без особого удивления и даже с радостью: его жена тоже помогала обитателям зараженных лачуг, и спутница была ей только кстати. Родители девушки не возражали; только мать Ромалии несколько раз напомнила дочери, чтобы та соблюдала все предосторожности.

– И лучше сжигай тряпки, которыми будешь оборачивать лицо и руки. Так оно безопаснее.

... Спустя два дня, рано утром, Ромалия с женой лекаря вышли из города и зашагали по направлению к небольшому пригорку, поросшему кустами ежевики. С этого места хибары прокаженных уже можно было разглядеть.

– Здесь все оставим, в тени, – сказала жена лекаря. Затем быстрым взглядом окинула принесенное, присела, отобрала несколько хлебцев и бутыль с вином и указала кивком головы:

– А теперь пойдем еще в одно место.

Ромалия слегка удивилась, но любопытствовать не стала: решила, что в свое время все выяснится.

Они отошли в сторону на довольно приличное расстояние, и тут Ромалия едва не наступила в небольшой ручей: она не сразу заметила его посреди выжженной солнцем травы.

– Положи эти хлебцы вон там, возле валуна, – велела жена лекаря. – Лучше, если это сделаешь ты. У тебя руки молодые и добрые.

Ромалия послушалась.

– Почему мы пришли сюда? Здесь тоже кто-то живет?

– Да.

– Тоже прокаженные?

Жена лекаря ответила не сразу.

– Говорят, что да.

– Но где? Я не вижу никаких построек...

– А вон ту пещеру – видишь? Слева от валунов, за ручьем?

Ромалия кивнула. Вид невысоких каменистых гор был ей уже привычен.

– Там живет один из выселенных... из тех, что с колокольчиком ходят. Отдельно от остальных.

– Один? Совершенно один?

– Как будто так.

– А почему? Кто он такой?

– Говорят всякое... да мало ли кто что говорит. Слухи – вредная пища, и кормиться ими незачем. Но человека возле той пещеры видели точно. На вид вроде молодой... а там кто его разберет.

Больше Ромалия вопросов не задавала, но тайна этого места и еще больше – этого человека не давала ей покоя. Может, он и не прокаженный вовсе, а убийца или вор, скрывающийся от наказания?.. Впрочем, эта мысль надолго не задержалась в голове Ромалии: преступник просто сбежал бы в другой город, где его никто не знает, и дело с концом. А тут...

Почему этот прокаженный, и без того отделенный от нормальных, здоровых людей, сторонится даже товарищей по несчастью? Мудрые люди говорят, что общая беда сплавливает – неужели нет?..

Ромалия ни с кем не делилась своими раздумьями, но через неделю, собрав сверток с едой, завернувшись в полотняный плащ и обмотав лицо и руки старой чистой тканью, направилась к валуну у ручья.

Положив сверток на землю, она отошла чуть в сторону и присела. Роса уже высохла, но солнце еще не начало печь в полную силу. Станный наряд Ромалии немного ей мешал, но она настроилась на долгое ожидание и теперь напряженно вслушивалась – не раздастся ли звон колокольчика, внушавший всем горожанам такой ужас.

Прошел час или, может, два... и этот звук действительно послышался! Ромалия даже вздрогнула: уж не померещилось ли ей?

Но нет, позвякивание доносилось на самом деле. К ручью приближался юноша: действительно очень молодой, как и говорила жена лекаря – на вид лет двадцати, не больше, но хорошего роста. Правда, шел

он, втянув голову в плечи, слегка подгибая при ходьбе колени и глядя в землю, словно вынюхивая невидимую опасность.

Немудрено, что он сразу не заметил Ромалию, сидящую чуть поодаль.

Но едва сверток с едой был поднят, девушка кашлянула, чтобы привлечь к себе внимание, и, поднявшись, сказала чуть смущенно:

– Доброе утро...

Юноша резко обернулся: он меньше всего ожидал увидеть перед собой человека. Казалось, он был готов убежать сию же минуту. Ромалия это подметила и не стала двигаться с места – только стояла и старалась смотреть как можно приветливее: ведь одни лишь ее глаза и можно было разглядеть. Юноша перешагнул через ручей, словно через границу, но остановился и повернулся к Ромалии лицом.

– Не беспокойся, это я принесла, – заговорила она. – Ты живешь в той пещере, верно?

Он оглянулся.

– Тебе туда нельзя.

– Я знаю, – спокойно ответила Ромалия. – Я только хотела спросить: не нужно ли тебе чего-нибудь?

Юноша не сразу нашелся с ответом – он был не столько тронут, сколько испуган этой неожиданной заботой.

– Н-нет, благодарю.

– А другим?

– Н-не знаю. Я живу один.

Ромалии почудилось, что он опять норовит удрать.

– Как твое имя?

– Теофем.

Имя было необычное, но красивое – Ромалии оно сразу понравилось.

– Почему тебя так называли?

Теофем слабо улыбнулся.

– Родители выбрали...

– Они у тебя живы?

Юноша съежился – вернее, просто пожал плечами:

– Не знаю...

Видимо, Теофему был не по душе этот разговор, и Ромалия перевела его в другое русло:

– А меня зовут Ромалия. Я дочь главного судьи из города.

– Не слыхал о тебе... Я уже давно не был в городе.

– Мы здесь живем не так долго. Кстати, я уже один раз приходила сюда, на твое... на это место. Неделю назад. – Она помолчала, Теофем тоже ничего не отвечал. – Хочешь, я снова приду?

– Дело твое, – еле слышно выдавил он, не глядя на Ромалию.

– А я приду! – горячо заверила она. – Наверное, еще через неделю.

*

По пути домой облик нового знакомого всё стоял перед глазами Ромалии – так подробно отпечатались в ее памяти черты Теофема. Он был худ, болезненно худ, на его лице в нескольких местах были заметны какие-то маленькие темно-красные рубцы – но не такие страшные, как представлялось Ромалии. Она вообще испытала гораздо меньше гадливости, чем ожидала от встречи с прокаженным. Даже глаза Теофема – карие, чистые, чуть печальные – не гноились, как это обычно бывает у пораженных болезнью. Впрочем, Ромалия знала о ее коварстве и о том, что эта зараза может добивать людей годами.

Свое слово Ромалия сдержала – и через неделю, и через две... Ромалия приходила к ручью, дожидалась, пока появится Теофем, и они разговаривали, стоя или сидя на траве – все так же, на расстоянии, по разные стороны ручья. Начинала и поддерживала беседу обычно Ромалия – Теофем почти ни о чем сам не спрашивал, хотя на вопросы девушки отвечать не отказывался. Даже покинув свою пещеру, он все равно как будто оставался в ней. Но постепенно его внутренние тиски немного ослабели, и юноша тоже начал интересоваться жизнью Ромалии. Сам он по-прежнему оставался не слишком словоохотливым, но слушать умел прекрасно – даже в его молчании чувствовались искренность и внимание.

Однажды Ромалия набралась храбрости и спросила:

– Почему ты живешь в этой пещере, совсем один? Ведь если с тобой что случится, никто даже не узнает...

– И пусть не узнает, – судорожно тряхнул Теофем темно-русой головой. – Со мной уже ничего не случится больше того, что случилось. Да и те, которые в лачугах, – мало отличаются от тех, кто в городе...

И постепенно, слово за словом, крупца за крупцей, Ромалия узнала историю Теофема – как он сделался одиноким жителем одинокого убежища в пещере.

Несколько лет назад Теофему вдруг стало худо; родители пригласили двух врачей, те долго осматривали больного, затем вышли за перегородку и там еще дольше о чем-то говорили – сначала вдвоем,

потом к ним присоединились негромкие голоса родителей. По обрывкам разговора Теофем догадался (он взял на себя смелость подслушать), что врачи подозревают у него тот страшный недуг, который навсегда отделяет зараженного от здоровых. Проводив лекарей и уложив детей, родители полночи совещались, спорили, никак не могли решить – как им быть, если подозрения врачей подтвердятся. Что тогда будет с самим Теофемом и младшими детьми? Разве можно подвергать их опасности? Нет, скорей, скорей...

Теофем снова рискнул подслушать – и что «скорей», понял сразу, хотя и немного по-своему. Люди видели в нем опасность – и оттого сами становились не менее опасны. И Теофем решил не ждать и сделать самому то, что не сегодня-завтра совершат другие. Он собственноручно надел на шею заклый колокольчик – мол, не приближайтесь ко мне, не трогайте меня – и покинул дом.

В хибары прокаженных Теофем не пошел – видеть таких же несчастных ему хотелось еще меньше, да и кому он там нужен? Так он отыскал себе пристанище в пещере. Первое время питался тем, что находил поблизости, иногда по два-три дня его обедом была лишь вода из ручья. Потом о его существовании как-то узнали и стали приносить ему пищу. Наверное, решили, что он особенно заразен.

– И ты с тех пор ни разу не видел свою семью? И ничего не знаешь о ней?

Теофем мотнул головой.

– Думаю, и они обо мне мало что знают. Я даже не уверен, живут ли они еще в этом городе. Ни один из них сюда не приходил.

– Откуда тебе известно? Ты что, видишь на расстоянии?

– Догадался бы.

Он о чем-то подумал и добавил:

– И никто не приходил. Ты первая вот так пришла и заговорила со мной.

Ромалия улыбнулась.

– А что в этом такого?

– Ты не боишься.

– Чего бояться, когда ты здесь, а я тут? Да к тому же... – Она приподняла руки, обвязанные полосками ткани.

– Все равно... не стой слишком близко...

– Да мне и так уже домой пора. До свиданья, Теофем!

– До свиданья...

Возвращаясь, Ромалия все думала и думала об услышанном от Теофема. Станный он все-таки... смешным бы его назвала, если бы все не вышло для него так печально... Откуда столько боязни? Даже с ней? Или... в нем говорит обида – на тех, кто остался в городе, кто вытолкнул его в такую жизнь, да и вообще на всех подряд?

Если оно так – плохи его дела... Но Ромалия все же надеялась смягчить его одиночество и вернуть Теофему веру в людей. Для этого нужны только ласка, настойчивость... и время, время, время. Страшно было даже предположить сколько. Но Ромалия почему-то была уверена, что боль, причиненная Теофему, когда-нибудь заживет. Не те у него глаза, какие у злопамятных людей бывают. Даже когда Теофем мрачнеет или начинает упрямиться, его взгляд остается каким-то удивительно чистым...

Ромалия даже замедлила шаг.

Чистым! Она ведь еще в первый раз заметила, что глаза Теофема, да и весь его вид – как-то не соответствуют страшным описаниям прокаженных, которые она слышала столько раз. Так может быть... может быть, у Теофема была какая-то другая болезнь? Может, врачи тогда ошиблись? Может, он и не заразен вовсе?

Эта мысль так поразила Ромалию, что побудила действовать немедленно. Она на ходу срывала с лица платок и с рук – тряпочные бинты: все это она оставила на свалке у городских ворот. Умывшись в струях фонтана на главной площади, Ромалия бросилась к дому лекаря.

Девушке здорово повезло: он как раз вернулся домой за полчаса до ее прихода.

– Господин лекарь! – выпалила Ромалия прямо с порога той комнаты, куда ее проводили. – Господин лекарь, скажите, вам что-нибудь известно о прокаженном из пещеры? – И коротко изложила лекарю все, что знала о Теофеме. – Мне кажется, у него вовсе не проказа. По-моему, он так же здоров, как мы с вами...

Лекарь задумался и снова подробно расспросил Ромалию о том, как выглядит ее отшельник.

– Наверное, ты права, Ромалия... Но подтвердить это едва ли возможно.

Ромалия была само недоумение. Лекарь поспешил объяснить:

– Сама посуди. Если увидят, что кто-то с колокольчиком на шее заходит в мой дом или в чей-то еще – его же просто убьют на месте. А меня в свою пещеру он и подавно не пустит.

– Почему? Вы что-то знаете о нем? Или о его родных?

Лекарь опустил глаза.

– О Теофеме я кое-что слышал. Но его семью я никогда не пользовал. Даже не знаю, кто его родители и где их дом. – Лекарь вздохнул и прибавил: – У тебя горячее сердце, но мало опыта, Ромалия, – тебе трудно будет понять... Когда человек сам вешает себе на шею колокольчик прокаженного – тут врачи не помогут.

Ромалия ушла от него озадаченной, но все же утешенной. Скорее всего, у страха глаза велики, и Теофем действительно здоров, только сам не решается в это поверить. А лекарь – человек пожилой и просто, наверное, не хочет рисковать. Ну что же... тогда рискнет она.

Ромалия знала, что от прокаженных обычно исходит ужасный запах. Возможно, она его просто не чувствует – ведь лицо у нее самой закрыто. Придется один разочек расстаться с этой броней. Если Теофем сможет потом вернуться к людям – оно того стоит.

Страх Ромалия по-прежнему не испытывала. Ей вспомнился рассказ об одном праведнике, который даже обнимать прокаженных не боялся. Нет, Ромалия вовсе не собиралась этого делать и уж тем более не причисляла себя к праведникам, – но ведь тот человек был слабого здоровья, и зараза его не тронула. Значит, ей и подавно нечего опасаться.

Войдя в дом, Ромалия столкнулась с одной из служанок.

– Что с тобой, госпожа? У тебя лицо так и горит!

– Ничего... Просто на улице жара, а я шла очень быстро. Принеси мне свежей воды в комнату, – попросила она и поспешила к себе – обдумать всё без помех.

В следующий раз Ромалия отправилась к ручью в обычном виде для таких выходов, чтобы не вызвать лишних подозрений у домашних. Но сама она немного волновалась – при мысли, что сегодня Теофем впервые увидит ее лицо.

Дождавшись юноши, Ромалия попыталась вернуться к их последнему разговору и принялась осторожно расспрашивать о его давней болезни.

Теофем отвечал скупой, неохотной – Ромалии показалось, что он сейчас «уйдет в молчанку», как она это про себя называла. Девушка заговорила о другом:

– А как зовут твоих родителей, Теофем? Где они живут? Вернее, жили раньше, вместе с тобой?

– Зачем? – помрачнел Теофем. – Искать их хочешь? Это все равно что иголку в сене...

– Или этот ручей в траве. – Ромалия указала на струйку воды под ногами. – Я его сначала и не заметила.

Теофем слабо усмехнулся.

– Тебе не хотелось пить...

– Неважные границы у твоих владений, – улыbnулась Ромалия. – Тебе бы дозор поставить... Хоп! – и она легко перескочила через ручей, оказавшись с Теофемом лицом к лицу.

*

Теофем отступил на шаг назад.

– Ты что?..

– Ничего, – невозмутимо отозвалась Ромалия, освобождая руки от повязок. – Дозор-то не выставлен. Кто запретит? – С этими словами она сдернула с лица платок.

– Ты что?.. – повторил Теофем, ошеломленный еще больше.

– Мне жарко, – с нарочитым задором сказала Ромалия. Пускай считает ее этакой сумасбродной девицей – ей оно сейчас на руку.

– Но ты... но ведь я...

– Лекари иногда ошибаются. – Ромалия не прятала улыбку: никакого зловония не было и в помине – ее догадка подтверждалась.

– Какие лекари? – насторожился Теофем.

– Ну хотя бы те, что к тебе тогда приходили. Кто-то ошибся: или они, или ты...

Лицо Теофема стало напряженным.

– Что ты такое говоришь?

– Что ты, возможно, и не болен вовсе.

Юноша мотнул головой. Он не верил – или верить не хотел.

– А это? – он показал на свое лицо.

– Что-то другое... Но не проказа!

Теофем снова мотнул головой, однако промолчал. А Ромалия продолжала:

– Если это так, ты сможешь вернуться обратно...

– Меня не пустят, – перебил Теофем, сжав рукой веревку с колокольчиком отверженного.

– Негодная побрякушка! Можешь выбросить ее на свалку – там ей самое место!

– Меня могут узнать и без нее. Больше никто не думает так, как думаешь ты.

– Да ты совсем не похож на прокаженного! – в нетерпении воскликнула Ромалия. – Хотя бы моим-то глазам поверь! Сколько лет ты уже в этой пещере? Ну? Если за все это время лицо у тебя не распухло и

кожа не покрылась струпьями – значит, врачи приняли одно за другое, и ты здоров, Теофем! Понимаешь? Здоров!

Теофем слегка сжался и сделал еще один шаг назад.

– Пой, Теофем... подожди... Подними рубашку. Пожалуйста...

– Нет... нет, – дважды повторил он, не столько с упрямством, сколько с каким-то отчаянием. Его словно страшила возможная правота Ромалии.

– Подними рубашку! – властно прикрикнула она. – Немедленно подними!

Ромалия не была вспыльчивой и никогда не помыкала даже слугами (родители бы ей просто не позволили), но в такие минуты ее волевой характер давал себя знать. Видимо, было в ее лице и голосе нечто такое, что заставило Теофема подчиниться.

Под истрепанной холщовой тканью виднелась белая кожа, совсем не тронутая – ни солнцем, ни ранами, которые проказа оставляет на теле человека. Лишь несколько темно-розовых, заживающих рубчиков портили эту нежную, молочную белизну.

Ромалия едва не задохнулась, а затем едва не заплесала от радости.

– Теофем! – выдохнула она. – У тебя не проказа! Лекари и впрямь ошиблись! Тебе здесь больше нечего делать, слышишь? Ты – не прокаженный, Теофем! Что с тобой, Теофем?..

В припадке восторга Ромалия не заметила, что юноша вдруг стал бледнее обычного. Его била мелкая дрожь.

– Нет.

– Хочешь и дальше оставаться тут?

– Да.

Ромалия едва не бросила: «Ну что за глупости!» – но, увидев потемневшие глаза Теофема, заговорила иначе:

– Теофем, милый... Идем со мной вместе! Если ты думаешь, что тебе некуда вернуться, если ты боишься, что твои тебя не признают – живи в нашем доме, мои родители примут тебя как родного, у них любви на десятерых хватит – уж я-то знаю! Ну же, Теофем? – Она протянула к нему руки. – Идем!

Теофем отшатнулся, словно это Ромалия была прокаженной, и быстрым движением убрал руки за спину.

Ромалия растерялась. Ее взгляд упал на веревку с колокольчиком, свисающую с шеи Теофема. Ее охватил гнев.

– Да сними же ты свой проклятый бубенец!..

Она подняла руку, чтобы сорвать ненавистный знак, – но Теофем резко оттолкнул ее.

– Уходи.

– Что?..

– Уходи... Уходи отсюда! Уходи!..

Ромалия не поверила своим ушам. Это кричал Теофем, всегда такой тихий, зажатый, боязливый – и кричал на нее.

На этот раз пересилила его воля. У Ромалии ее хватило только на то, чтобы сдержать слезы. Она была оскорблена, ошарашена, сбита с толку – и совершенно не понимала, чем вызвала в Теофеме такую злость.

Отойдя на несколько шагов от ручья, Ромалия оглянулась. Теофема там уже не было. На рыжей траве белели только платок и полосы тряпок.

– Что с тобой, Ромалия? – встревожилась мать. Дочь была так расстроена, что не пыталась это скрыть. – Тебя кто-то обидел?

– Угу, – выдавила Ромалия и уткнулась матери в плечо, ничего не отвечая: мешал комок в горле.

Мать попыталась ненавязчиво успокоить ее и больше вопросов не задавала – видела, что дочери не до того. Да Ромалия и сама не хотела беспокоить мать рассказами о том, как близко сошлась с одним из прокаженных – ну, или кого считают прокаженным, какая разница. К тому же мать непременно приняла бы сторону дочери – не в ее характере было защищать того, кто довел Ромалию до слез. А от нападок на Теофема ей стало бы еще больнее. Она и сама не знала почему.

Немного успокоившись, она решила поговорить с отцом – не откладывая, этим же вечером. Он судья, он мудрый человек, через него столько людей проходит – уж он-то в них разбирается и сможет дать совет.

Улучив минуту после ужина, Ромалия попросила отца зайти в ее комнату. Там она все честно и подробно рассказала ему о встречах с Теофемом, о самом юноше и об их сегодняшней ссоре.

– Не понимаю, что я такого сказала... Чем я его обидела, пап?

– Ничем, Ромалия, не кори себя. Просто ты по своему сердцу поступала – а он по своему. А сердца у вас разные.

Ромалия, еще больше погрузнев, покачала головой.

– Нет, папа... Теофем не такой плохой, как ты думаешь. Ты же сам мне всегда говорил: желаешь узнать человека – посмотри ему в глаза. А у Теофема они добрые. Даже когда слова его злые.

– А я разве назвал его плохим человеком? – приподнял бровь отец.
– Но вспомни: быть может, в его глазах было что-то еще, кроме доброты?

Ромалия прищурилась, вспоминая.

– Да, было.

– Что же?

– Страх.

Море страха, хотела добавить она, но почему-то не стала. Только обхватила руками колени и вздохнула:

– Знаю, ты меня будешь бранить за неосторожность... Но он не прокаженный, папа. Это любой подтвердит.

– Верно. Не прокаженный. Но он сам захотел им стать.

Ромалия встрепенулась. Что-то подобное она слышала раньше, от лекаря...

– То есть как?!

– Страх, Ромалия. Ты не ошиблась. Теофем боится людей... да и себя среди людей. И колокольчик прокаженного – вернейший способ от них защититься. Пусть тебя опасаются те, кого опасешься ты.

Слова отца звучали правдиво, но до конца Ромалия не соглашалась.

– Будь оно так, он бы сбегал в свою пещеру в первый же день, когда я заявила. А он приходил каждый раз и разговаривал со мной – вот как я с тобой сейчас...

Отец усмехнулся.

– Да, – пока вы были по разные стороны ручья. А стоило тебе перешагнуть...

– Выходит, я виновата в том, что подошла ... слишком близко?

– Так близко, что увидела в нем не отверженного, не выселенного, а такого же человека, как ты сама. Так близко, что поставила Теофема к жизни лицом... и наступила на хвост всем его страхам – и которые он испытывал, и которые внушал. Ты и колокольчика, его главного оружия не побоялась... – Отец чуть помолчал, раздумывая. – Да, ты хотела помочь Теофему. И это хорошо, Ромалия, это благородно – даже твоя неосторожность. Но чтобы выйти из пещеры, Теофем должен сам этого захотеть. Ни ты, ни кто другой его оттуда не выведет.

– Да неужели ему там лучше? Одному, впроголодь, в темноте да в тесноте? Только не говори, что все счастливы по-своему. Не верю я, будто кому-то в дождь сухо бывает.

– Знаешь, Ромалия, есть на свете люди, которых и счастье страшит, и чья-то любовь пугает... Похоже, Теофем из таких. Это вот мы с тобой рассуждаем – «где я буду счастливее». А у него другой подход – «где мне не будет хуже».

– Ну и кто больше радости в жизни имеет? – отпарировала Ромалия со всей силой очевидного. – Его страхи ведь только в нем самом живут...

Дело не в людях. Ради одного Теофема они не исчезнут и быть людьми не перестанут. И я не перестану...

Ромалия как будто не договорила, но отец все понял.

– Беспокоишься о нем? Хочешь снова пойти?

Дочь кивнула.

– Но теперь уже я боюсь.

– Чего на этот раз?

– Что опять получу от него – так, что небо с лоскут покажется, – с горьким смешком призналась Ромалия. – Он же сам мне сказал: уходи. Да еще кричал на меня.

– Это не он. Это его страх кричал. Которому ты хвост отдала.

– И что же мне теперь делать? – с растерянной улыбкой спросила Ромалия.

Отец взглянул на нее с доброй лукавинкой в глазах, словно побуждая дочь ответить самой и на этот вопрос.

– Ты счастливее – а значит, и сильнее. У тебя есть выбор, Ромалия. Сама решай, что для тебя важнее – Теофем или царапины, которые он оставил.

– Хорошо, – рассмеялась она. – Не рассказывай только никому, ладно?

...Теофем вышел из своего убежища, как только проснулся – ночь выдалась ветреная, и он продрог до костей. Он сел прямо на землю, прислонившись затылком к огромному камню: второй день его не покидало странное изнеможение. Наверное, издали его можно было принять за мертвеца – но после ухода Ромалии (Теофем помнил, как ее зовут, хотя почти никогда не обращался по имени) видеть юношу было некому.

Кое-как он добрался до ручья – возле приметного валуна лежал завернутый в тряпицу ломоть хлеба. Теофем от слабости даже не задумался, кто его принес – съел тут же, набирая ладонью воду из ручья. Теперь у него хватало сил, чтобы хотя бы дойти обратно до пещеры.

Но, приблизившись к ней, Теофем почувствовал: что-то не так. Не так, как всегда.

Он огляделся. В нескольких шагах от пещеры стояла Ромалия.

Она была уже без «защитного» плаща, без тряпок на руках и платка на лице. Она не шагнула навстречу, не стала покашливать, чтобы привлечь внимание, – просто стояла, ожидая, пока он ее заметит, и улыбалась одними глазами, как при первой встрече.

– Здравствуй, – сказала она.

Елена Кёрн

Скамейка желаний

Возьмите любой парк и в каждом вы найдете это загадочное и таинственное место, где сходят все чувства и эмоции. Это место - скамейка свиданий. Да она стоит всегда уединенно в самом красивом месте парка. Здесь встречаются любовь, разочарование, горечь, радость, потрясения, страсть ... Это место наполнено жизнью, сюда приходят, чтобы утолить жажду, обрести то, что утратили или не собрали во время своего пути.

Наша скамейка никогда не пустовала. Даже в самые холода. Она радовалась, когда её старые доски поскрипывали от тяжести тел. Она слушала те разговоры, которые возникали на ней. Она наполнялась теми чувствами, которые передавались людям по невидимым нитям, окутывающих их. Нити переплетались в воздухе, искрили на солнце, а потом растворялись и воздушными лепестками поднимались ввысь. Скамейка была безмолвным свидетелем течения жизни. Шло время, скамейка ветшала, старела, все больше кряхтела, но не унывала.

Наступила пора ветров и слякоти. Старый парк опустел, дети разошлись по школам. Влюбленные парочки быстро пробегали, стремясь в ближайшую кофейню, а пожилые жители уже не присаживались, а просто гуляли по аллеям.

Скамейка скучала. Она уже долгое время общалась только с ветром и его неразлучным другом дождём. Люди забыли о ней, одиноко стоявшей в уединенном уголке парка. Деревья, которые росли рядом, сильно переживали за скамейку и тихо сбрасывали листву, желая её согреть.

В начале аллеи показалась дама. Её движения были грациозны и тонки, внешность выдавала человека из прошлого. Белый костюм подчеркивал её идеальную фигуру. Ножки согревали высокие сапожки из мягкой кожи, тонкий высокий каблук придавал элегантности образу.

Поравнявшись со скамейкой она, присела. Проходящие мужчины, посмотрев на неё, еще долго оглядывались. Взгляд холодных зеленых глаз, опущенный длинными ресницами, оценивающе смотрел на всех. Вся поза дамы говорила об ожидании.

Наша скамейка ощутила острый накал страстей, невидимые нити эмоций и чувств из расслабленного состояния перешли в активное. Женщина выбила из мундштука остатки сигареты и расслабленно облокотилась на спинку скамейки.

С противоположной стороны по аллее неспешным шагом к нашей скамейке приближался высокий солидный господин, одетый в элегантный черный костюм-тройку, его трость из дуба постукивала по тротуару с каждым шагом.

Остановившись возле дамы, он слегка склонился в знак приветствия и опустил рядом.

- Мадам, вы как всегда безупречны, - дама склонила голову, принимая комплимент.

- Каждый раз они присылают кого-то нового, - налет недовольствия окрасил голос мадам Комильфо. Мужчина только иронично приподнял бровь.

- Что Вы, мадам, я и в прошлый раз был, - снисходительно улыбнулся мужчина.

- Уж не надо меня уверять в моей короткой памяти, господин Опыт, - зло сверкнула глазами мадам Комильфо. Мужчина только вздохнул.

Время шло, молчание после обмена колкостями затягивалось, наконец, мадам соизволила продолжить беседу.

- Сударь, к чему все же приурочена сегодняшняя встреча? - Взгляд зеленых глаз впился в мужчину. Опыт уже хотел ответить, но тут неожиданно аллея заполнилась молодыми людьми: они смеялись, бурно что-то обсуждали. Пробежали мимо сравнительно быстро. Получив вслед холодный укол зеленых глаз мадам Комильфо.

- Времена уже не те, - дама поджала губы.

- Да, времена изменились. Это верно. Но люди по своей природе такие же, - мужчина закинул ногу на ногу, откинувшись на скамейке.

- Сударь, перейдем к непосредственной теме нашей встречи. К чему она?

Мимо пробежала стайка молодежи, не замечая пару на скамейке.

- Перейдем, - согласился Опыт. - На днях была очередная стычка. Есть жертвы с обеих сторон, - мечтательно посмотрев вверх, сказал Опыт.

Мадам Комильфо достала сигарету вставила в мундштук и затянулась.

- Да, я слышала. Причина стычки известна? - Глубокая затяжка и колечки дыма ввысь.

- Причина стара как мир. Кто важнее: Порок или Добродетель, - театрально вздохнул Опыт.

Мадам Комильфо усмехнулась, выпустив дым:

- А Вы, какого мнения придерживаетесь?

- Я? - мужчина задумался. После непродолжительного молчания, разговор продолжился:

- Я не благоволю ни тем, ни другим. Моя позиция - нейтралитет. Ведь обе стороны своими действиями обогащают меня.

- Отличная позиция, - усмехнулась Комильфо.

- А главное, удобная, - мужчина лишь иронично поднял бровь.

- Так всё же, сударь, с какой целью вы вызвали меня на эту встречу?

- Обе стороны решили прийти к примирению, но поскольку не нашли никого, кто бы помог найти общий язык внутри сторон, решили, чтобы Вы посодествовали.

- И каким же образом? - в холодных глазах Комильфо засветилось любопытство, - Самой пойти в парламентареры?

- Ну, такую жертву от тебя никто не ждет, - усмехнулся Опыт. - После бурного обсуждения Добродетелей и Пороков, решили тебе в пансионат отдать на обучения одного подростка.

- Да? А она выдержит обучение? - Комильфо с сомнением посмотрела на Опыта. Тот лишь усмехнулся. Щелкнул пальцами, и возле скамейки появилась молодая девушка в рваных джинсах, широком свитере, длинные черные волосы были забраны в высокий хвост, но две длинные пряди зеленого и фиолетово цвета ниспадали до подбородка.

Комильфо поднялась и стала внимательно осматривать её своим цепким оценивающим взглядом. Девушка, скромно опустив глаза, стояла в расслабленной позе.

- Первое впечатление неплохое, - оценила мадам, присев обратно на скамейку. - Как тебя зовут, деточка?

- Я Вам не деточка, мадам! - Острый взгляд серых глаз обжог Комильфо.

- Лима. - Она церемонно поклонилась. Воцарилась тишина. Мужчина удовлетворенно хмыкнул.

- Да, девочка вполне готова, - резюмировала Комильфо.

- Родословная подходит нам? - она обратилась к Опыту.

- Вполне. Перед тобой отпрыск Скромности и Прелюбодеяния.

Мадам Комильфо на грани памяти поймала ощущение, что когда-то давно она знала эту девочку. Вспышка сознания подарила слепок информации далекого прошлого.

- Неужели так выросла, Лицемерие? Ну что ж, мадемуазель, вы прошли вступительные экзамены, прошу за мной.

- Комильфо грациозно встала.

- Вырастим Вам перебежчика, двуликого Януса в девичьем облике, - Бросила она мужчине, который поднялся и галантно поцеловал руку.

Девушка пристроилась рядом с мадам и в тоже время бросила на Опыта острый взгляд и соблазнительно улыбнулась. Мужчина только усмехнулся.

Порыв ветра поднял золотую листву с земли, захватил немного с нашей скамейки и бросил в небеса. Скамейка опустела, она была ошеломлена тем, какие события разворачивались в ее присутствии.

Прошло три года...

Молодая девушка расхаживала по аллее парка. Она была красива, грациозна и соблазнительна. Молодые люди бросали на неё страстные взгляды, она отвечала им томным, но выдерживала дистанцию.

Томный взгляд и кокетливая полуулыбка заставляли замирать мужские сердца, но как только молодой человек начинал сближение, ледяной клинок серых глаз впивался в него и ноги сами отворачивали в сторону.

Наконец, к девушке подошла зрелая дама и взяла её аккуратно под руку. Лима бросила на неё взгляд.

- Что так долго?

- Дела, дела, - вздохнула Любострастие. Лима понимающе рассмеялась.

- Ну, что пошли в гости? - Лима томно посмотрела на проходивших мимо молодых людей, приведя тех в замешательство.

- Пошли. Воздержание давно заждалось нас.

Порыв ветра закружил листву, и аллея парка опустела, оставив скамейку в одиночестве.

Валерий Ларичев

Лев Григорьевич

Лев Григорьевич из могилёвской многодетной семьи. Закончив после войны школу, поехал учиться на врача в Ленинград. Послевоенные времена были тяжёлыми и родители не могли его поддержать материально, поэтому днём, учась в мединституте, он устроился работать по ночам кочегаром в котельной, которая топилась углём. И эта котельная стала для него не только ночной работой, но и домом. Там он и жил среди угля и огня, что было невероятно удобно и выгодно. Даже в лютые морозы он был в тепле, не испытывал проблем и с горячей едой, ибо легко мог её приготовить, разогрев банку консервов у топки. Ленинград в те годы, как и вся страна, испытывал трудности с обеспечением электроэнергией и свет часто отключался. Котельная выручала и здесь. Приоткрыв дверцу топки, Лёва размещался поближе к огню, светящему из щели, с учебниками и конспектами, готовясь к своим завтрашним занятиям. После института судьба забросила его в Харьков.

Лев Григорьевич заведовал отделением гнойной хирургии в детской хирургической клинике. Человек он был своеобразный, нетерпелив, разговаривал быстро, проглатывая окончания слов, повторяясь, да ещё и с «фефектом фикции». Без привычки ещё и не каждый мог понять, о чём он говорит. Но дело своё знал, специалистом был отличным. Коллеги говорили, что Лёва чует гной носом. Помимо того, что Лев Григорьевич возглавлял отделение, он вёл палату с самыми сложными и тяжёлыми больными с перитонитами. После того, как его пятилетний сын погиб от просмотренного аппендицита и развившегося сухого перитонита, но это отдельная история, он до конца своих дней доказывал окружающим, но, пожалуй, больше всего себе, что дети от перитонитов погибать не должны и они у него не погибали.

А ещё он единственный из детских хирургов, кто оперировал хронические остеомиелиты, гнойное воспаление костного мозга и, если качественно не вычистить больную кость, то будет она гнить годами, а у детей ещё и неправильно развиваться, делая их инвалидами. Он любил меня звать на такие операции, и я с удовольствием шёл ему ассистировать, хотя они были однообразно-нудными и длительными. Лев Григорьевич стамесками-долотами выдалбливал и выдалбливал больную кость, выскабливал и опять вырубал поражённую гноем костную ткань до только ему ведомых границ и пределов. И, порой казалось, что всё, лапти, накрылся тот или иной сегмент конечности, так как оставил он от кости с гулькинос, однако именно после этих его операций и

наступало выздоровление ребёнка. Оперировал молча. От меня требовалось только обеспечивать ему крючками достаточный обзор. Если я пытался расспрашивать о непонятных для меня его действиях или принятых решениях, отвечал односложно и не всегда удовлетворял мой интерес. Льва Григорьевича уже давно нет среди нас, но в клинике, а справедливей сказать, в городе, так и не появилось ему подобного специалиста по оперативному лечению изуродованных гноем детских костей, правда, и остеомиелитов тех теперь не сыщешь.

Оперировал Лев Григорьевич однажды гнойный парапроктит, гнойное поражение клетчатки и прочих мягких тканей вокруг прямой кишки. Его обступили врачи-интерны, учились работать. Из вскрытого гнойника пошёл под давлением зловонный гной, мгновенно вытеснив своими миазмами нормальную атмосферу перевязочной.

— Ах, как пахнет, — произнёс Лев Григорьевич, тщательно вычищая и освобождая больную полость от неживых тканей, и далее, обращаясь к молодёжи, — хаяшо вичищаем, хаяшо... Эх, а кто нам так почистит, если у нас такое случится?

* * *

Лев Григорьевич был твёрдо убеждён, что, чем меньше знают родители его пациентов, тем лучше и для родителей, и для их заболевших детей, и для него, лечащего врача этих детей. Вот типичный пример общения его с родителями:

— Доктор, а как вы лечите ребёнка?

— Мамачка, мамач, хаяшо лечим, хаяшо.

— Ну, да, понятно, конечно... А какими лекарствами вы лечите?

— Мамачка, мамач, хаёши, хаёшими лекагствами лечим.

Всё, чего-либо большего от него добиться было трудно.

В приёмном покое оформляет историю болезни на госпитализируемого ребёнка с подозрением на аппендицит. То есть, при первичном осмотре привезённого «скорой» ребёнка с болями в животе, исключить острую хирургическую патологию органов живота Лев Григорьевич не рискнул, хотя чёткой картины аппендицита не видел, и предложил мамке оставить ребёнка для наблюдения. Мамка согласилась. Лев Григорьевич заполняет историю. Сидящая рядом мама переживает и нервничает, она не может молчать, ей хочется общаться и она уточняет:

— Доктор, так что у него аппендицит?

— Мамачка, нада понаблюда, понаблюдать нада.

— Ну, да понаблюдайте, да. — и через некоторое время опять, сбивая занятого писаниной Льва Григорьевича, — Так что, доктор, у него аппендицит?

– Мамач, мамочка, понаблюда нада, понаблюдать, понаблюдаем.
– Конешна, конешна, доктор, понаблюдайте, да, – и через пару минут снова, – Так это аппендицит?

Лев Григорьевич отрывается от оформления карточки, обращает свой взор на волнующуюся маму и спрашивает её:

– Мамачка, ты дуга, да? Иди дуга отсюда, сучага!..

И никогда ни от кого, ни одной жалобы.

* * *

Одним из первых и ещё немногих врачей Лев Григорьевич приобрёл автомобиль. «Москвич» купил. И вот однажды взялся развести по домам толпу уставших на работе коллег. Ехал не спеша, правила дорожного движения не нарушал. Тем не менее, был остановлен гаишником, которому, возможно, показалась подозрительной осторожно едущая машина, заполненная пассажирами под завязку. Лев Григорьевич вышел к блюстителю дорожного движения и начал с ним общаться. Пассажиры видели только жестикуляцию обоих беседующих. Сначала милиционер вёл себя уверенно и нагло, однако постепенно инициатива перешла к Лёве, который, как потом выяснилось, требовал объяснений на каком основании был остановлен. Наконец, гаишник, явно пожалевший о том, что остановил этого водителя, отдал ему документы и пожелал счастливого пути, но Лев Григорьевич упорно требовал объяснений, что нарушил, как не так ехал, за что был остановлен. Бедняга, милиционер еле избавился от вязкого и дотошного водителя, а Лев Григорьевич, вернувшись в машину и умачиваясь за руль, объявил друзьям:

– Губ захотел сучага, я тебе дам губ!

Вёз он как-то куда-то свою старшую медсестру отделения Зину. Не успевал на зелёный свет и, не притормаживая, проскочил на включившийся ему красный. Испуганная Зина:

– Лев Григорьевич, светофор же красный!

– Зин, Зин, не такой уж он и красный, не такой уж он и красный, Зин.

Имейте в виду, читатель, что в те времена автомобилей на дорогах города было не как теперь.

* * *

Я стою в коридоре отделения недалеко от одной из своих палат, а Лев Григорьевич у стола на сестринском посту беседует с мамкой одного из пациентов. Мамка – женщина невысокого роста, но широкая, уступая в ширину ненамного своему росту. На голове блондинистый шиньон, на

лице избыток яркого макияжа. Завершив беседу, женщина двинулась на выход, а Лев Григорьевич, глядя ей вслед, подзывает меня, подхожу:

– Валегий, посмотри, – говорит Лев Григорьевич, не отрывая взгляда от невероятно широкой удаляющейся перекатывающимися квадратными половинами задницы, – типичная никейва, блядь, по-нашему, по евгейски.

* * *

В описываемые времена больницы не были проходными дворами, как ныне, ибо порядком и организацией правили разум, и прагматизм, а не потерявшая берега демократия и деньги. Ни один посторонний попасть в больницу дальше приёмного покоя или вестибюля на главном входе не мог. Конечно, госпитализировались с грудными детьми их мамы, но при условии, что дети не искусственники, а мамки кормящие и ребёнок в данный момент нуждается в их кормлении, а не парентеральном питании. Пропускались родители и к тяжёлым детям, но только в дневное время. Пропуска родителям в хирургические отделения к их больным детям выдавались только по решениям заведующих отделениями.

В отделении Льва Григорьевича порядок был железный. Для детей он был и врачом, и родителем, и воспитателем. Неслуху, расхулиганившемуся, задире мог и по заднице шлёпнуть, и подзатыльник отеческий отвесить, или за ухо поймать и, отведя в палату, наказать лежанием в кровати.

Общение между родителями и их заболевшими детьми шло записками с передачами и только в определённые часы. Роль почтальонов выполняли санитарки. А вышколенные медсёстры отделения на это время становились цензурным комитетом, иногда заставляя ребёнка под диктовку переписывать письмо для мамы-папы, если тот написал в нём что-либо, могущее их необоснованно расстроить.

Однажды в отделении появилась новая санитарка, которая толком не восприняла почтальонские правила и, передав одному из мальчишек передачу с письмом от мамы, назад ей отнесла от него пустые склянки-банки с запиской, не прошедшей цензуры. Мамка развернула листок записки и читает в ней письмо, как когда-то писанное Чеховским Ванькой милому дедушке: «Дорогая мамочка, забери меня отсюда, я соскучился за тобой и хочу домой, а доктор Зоberman дерётся и...» далее, типа, тыкает ейной харей прямо мне в лицо. Мамку, конечно, перемкнуло и она начала орать на весь вестибюль больницы, а недалеко располагался кабинет главврача:

– Кто здесь доктор Зоberman, где этот Зоberman, детё бить, да я ему щас!

Лев Григорьевич, услышав свою фамилию, подходит к разошедшейся родительнице:

– Мамачка, мамач, что случилось, не кичите, успокойтесь, пойдёте, газбегёмся, сейчас, пойдёте, – и повёл её в отделение.

Увидев своего ребёнка, бегающего по коридору отделения целого и невредимого, обрадовавшаяся женщина, не видевшая сына более недели, присела перед ним, обняла, начала расцеловывать, периодически отрываясь от ненаглядного лица, рассматривать его ручки-ножки, опять расцеловывать. А Лев Григорьевич, стоящий рядом с ними, положил свою ладонь на головушку мальчишки и глядя его с макушки к виску и вновь возвращаясь на макушку и съезжая к виску, приговаривал:

– Хаёший мальчик, хаёший мальчик, хаё,.. – в этот момент рука Льва Григорьевича, съехавшая с мальчишечьей макушки, оказалась возле его уха и, взяв пацана за ухо, потянув его вверх с лёгким поворотом ушной раковины, он обратился к пацану:

– Я тебя бил, бил?

Ябедник, чуть приподнявшись на цыпочках с наклоном головушки в противоположную сторону, испуганно и быстро запричитал:

– Нет, нет, не бил! – Лев Григорьевич отпустил ухо и вновь положив свою ладонь на его головушку, глядя, продолжил приговаривать, – Хаёший мальчик, хаёший мальчик, – затем обращаясь к его, обалдевшей маме, сидящей перед сыном на корточках, – Видите, мамачка, видите, это же гебёнок, дети такие фантазёгы. Соскучился, нафантазировал. Побудьте вместе, пообщайтесь, – и пошёл по своим делам.

* * *

Лев Григорьевич был не прочь и мастер повоспитывать скандальных, а порой, и неразумных родителей. Каждое утро он свой рабочий день начинал с обхода отделения, которое после прошедшей ночи, как правило, оказывалось до отказа, заполненным гнойными больными, поступившими в дежурную смену и ночью уже прооперированными. Во время обхода его задача, как хозяина отделения, заключалась в максимальном освобождении коек для очередного дежурства, для следующей ночи. Оказавшись возле пациента, поступившего накануне вечером с острым гнойным подчелюстным лимфаденитом и вначале ночи вскрытым дежурным врачом, выяснив, что ночь он провёл спокойно, температура тела нормальная, даёт команду показать его на перевязке и выписать домой на долечивание по месту жительства.

А дежурный врач, который вскрывал гнойник этому мальчишке, его папе доложил, что операция была проведена под наркозом, прошла успешно, ребёнок спит. В те годы применялись эфирные рауш-наркозы,

то есть, поверхностные, на лицо больному маску Эсмарха и сверху заливают её эфиром. Так как поверхностный наркоз весьма кратковременный, то хирурги работали очень быстро, только руки мелькали. Вскрыл маленьким, почти протыкающим разрезом, гнойник, промыл полость его, вставил дренаж, наложил гипертоническую, отсасывающую, повязку. Всё про всё несколько минут, порой, меньше пяти. Последние этапы операции проводились уже на просыпающемся ребёнке. И вот утром Лев Григорьевич этому папе сообщает, что ребёнка выписывают и он может его забрать домой. Сей папа раскрывает рот и начинает на повышенных тонах возмущаться:

– Чтооо?! Выписываете?! После ночной операции?! После общего наркоза?! Да я вам, да я вас...

Лев Григорьевич тут же, резко откатывая назад, спокойно гасит, было начавшийся, скандал:

– Папачка, папачка, успокойтесь, я всё понял, ви пгавы, я поспешил, мы будем долечивать вашего гебёнка. Всё, всё, виписка отменяется, успокойтесь – и закончив общение с папой, подходит к кучке коллег, наблюдавших эту сцену со стороны, негромко, чтобы не услышал возмущённый папа, произносит, – гано ему виписываю, я тебе випишу не гано, сучага.

Этого ребёнка Лев Григорьевич держал в отделении около двух месяцев, не разрешая родителям свиданий с ним. Папа мальчишки, давно не нуждавшегося в каком-либо лечении и не получавшего его, ибо всё зажило у него в течение недели, готов был пасть Льву Григорьевичу в ноги, умолял выписать и отдать ребёнка или хотя бы показать, но заведующий отделением был твёрд и неумолим:

– Папочка, папочк, ви помните, я бил не пгав, я биииил неее пгааав, а ви были пгавы, ви пгавильно возмутились по поводу ганней виписки вашего гебёнка. Папочк, чтобы никаких пгитензий, ниииикакииих пгииитензииий с вашей стогоны. Гебёночка ещё гано виписывать и ми его хаяшо лечим, чтобы никаких пгитензий с вашей стогоны.

И опять удалившись от папы и, оказавшись рядом с кем-либо из коллег, подводил черту под общением с воспитываемым папой:

– Сучага, рано виписывал его гебёнка, ничего, тепегь я тебе его випишу не гано.

* * *

Всегда борясь за чистоту и порядок в отделении, особенно уделяя внимание антисептике, возможно, под влиянием китайцев, Лев Григорьевич решил освободить своё отделение от мух. И, естественно, призвал на эту борьбу свою отделенческую армию – медсестёр и санитарок. Однако, вышколенные им бойцы, неожиданно взбунтовались

и ловить мух по отделению отказались, дескать, делать им больше нечего, как только за мухами гоняться.

– Девочки, девоч, пять мух – один отгул! – пообещал им Лев Григорьевич.

И бунт оказался подавлен. Всё отделение дружно встало на борьбу с мухами. И надо отдать должное сестринско-санитарской гвардии, с поставленной перед ними оперативной задачей справились очень быстро, да и конкуренция среди бойцов была неслабая. И тут оказалось, что желание заработать отгулы аж зудит, а объектов заработка отгулов уже нет. И девчата двинулись за трупам мух в соседние отделения. Когда до Льва Григорьевича дошла информация о побочном эффекте его поощрительной системы, пришлось её свернуть. Как и в Китае победили мухи.

* * *

Когда же в больнице случались донорские дни с приездом спецбригады со станции переливания крови, отделение Льва Григорьевича неизменно било все возможные рекорды по сдаче крови. В самом же отделении эти дни превращались в дни посещений, оно было переполнено мамами, папами, бабушками и дедушками, получившими в отделение пропуска и допущенными Львом Григорьевичем до проведения своих ненаглядных чад за добровольную сдачу своей крови.

* * *

С тех пор и Льва Григорьевича давно нет и гнойная хирургия, не знаю, как у взрослых, но у детей изменилась невероятно. Многие заболевания исчезли или на грани того, потрясаяще изменили свою клинику. Когдатошнее отделение Льва Григорьевича потеснили, вселив на его территорию лоров, очевидно, чтобы гнойным было веселее с соплями, а сопливые не скучали без гноя.

Времена текут и меняются, а память, пока мы живы, остаётся.

Мои этапы познания женского тела

Я не помню, когда узнал, что, будучи мальчиком, отличаюсь от девочек, но помню, что испытывал интерес, почему и зачем мы отличаемся друг от друга. Мне было решительно не понятно, почему одним надо писать краниками, а другим щёлочками, зачем надо было нас человек разделить на два способа писания. А взрослые, покрывая эту тему непонятной тайной, усугубляли проблему, поднимая из глубин

моей, только нарождающейся, души, не скажу, что дикий, но сильный интерес.

В детском садике с одной стороны нас приучали стесняться между собой этой нашей разницы, с другой же – не разделяли наши горшки и процесс отправления нами естественных надобностей. А так как моё детство пришлось на добрые и светлые советские времена, то нас детсадовцев ежегодно вывозили из города на детсадовую дачу. Там мы жили в общих палатах, а раз в неделю наши воспитательницы купали нас в общих душевых. Там же на детсадовской даче мне и представилась первая возможность познакомиться с девчоночкой щёлочкой поближе. Нам было года по четыре, но не больше пяти. Моя кроватка располагалась рядом с кроваткой Ирки, маленькой щупленькой девочки, и обе были расположены в дальнем углу большой спальни. Нас укладывали спать после банного дня и мы были голыми. Тут я и решил воспользоваться представившимся мне случаем, а Ирка совсем и не возражала. Тем более что Ирка была прекрасно знакома с нашими мальчуковыми краниками, как-никак они были на виду, никуда не прячась, в отличие от их щёлочек, ведущих в явную неизвестность.

Ирка улеглась на свою кровать и, согнув ноги, развела их в разные стороны, предоставив себя для познания мною. Я успел заметить, что её щёлка внизу, ближе к попе, несколько расширяясь, образовывала вид дырочки, явно манившей в свою глубину. Но развести в стороны края её щёлочек и заглянуть вглубь мне не довелось. Всё прервал шлепок по заднице. Это воспитательница, заинтересовавшись шёпотом, доносившемся из дальнего угла спальни, подкралась сзади. Досталось и Ирке.

Так на долгие годы были пресечены мои анатомические устремления. Спустя лет пять сосед-одноклассник посвятил меня в вопросы физиологии краников и щёлочек, чем невероятно потряс мою девственную психику. Мой детский разум был однозначно тронут коварством взрослых. Сначала нас детей приучать стыдиться этих мест наших тел, а потом куда девать этот стыд и что с ним делать?

В школьные годы изучение анатомии и физиологии самых интересных разделов были беспардонно обойдены или опущены и ненамного повысили мои знания, полученные от Ирки и соседа-одноклассника.

Пережив в школе свою первую платоническую, безответную любовь, и, получив аттестат зрелости, я пошёл в гегемоны, став слесарем-сборщиком на радиозаводе. Между прочим, заметьте, слесарем-сборщиком самого первого разряда! И здесь я пережил новое открытие.

Оказалось, что все штепсели-вилки, штекеры и прочие втыкательные разъёмы называются «папами», а розетки и всякие принимающие разъёмы – это «мамы». Эх, если бы в те мои дозаводские детские годы был я знаком со штекерами или наши мальчуковые краники были вилокподобными, хоть как-то напоминающими штепсели, а девчачьи щёлочки двухдырчатыми, то не нужен мне был бы сосед-одноклассник, я и сам догадался бы, почему мы разные.

Вкусив рабочего класса, я через год стал студентом мединститута и на полтора года был погружён в изучение нормальной анатомии человека. И вот тут-то, изучая раздел МПС, что означает не «министерство путей сообщения», а «мочеполовая система», хотя «министерство путей сообщения» сюда тоже весьма подходит, я, наконец, узнал, что женская щёлочка, слегка прикрывающая дырочку, ведёт вовсе недалеко и, что сей женский орган совсем не глубок. Как выразился один из студентов-медиков: «влагалище – это та же прямая кишка, только сверху чуть-чуть припизженная».

Если на кафедре нормальной анатомии меня заставили выучить устройство этого женского органа, то на кафедре акушерства и гинекологии меня заставили в него заглянуть, да ещё и научили исследовать его двумя пальцами. После чего на летней врачебной практике, по окончании четвёртого курса, прожив десять дней и ночей в родильном отделении почти безвылазно, выполняя всю чёрную работу за врачей и акушеров, в последнюю практическую ночь был допущен до повторнородящей женщины и принял в жизнь нового бутуза с краником. Это были первые и последние в моей жизни роды, которые я принял самостоятельно. Между прочим, ощущение счастья, которое я испытал, непередаваемо.

С тех пор, пройдя большой жизненный путь, став топографоанатомом, трижды мужем, близко познакомившись с целым рядом женщин, я знаю, что с анатомической точки зрения, женский половой орган от щёлочки, прикрывающей в него вход, ведёт недалеко, ибо не глубок. Но, благодаря своему богатому жизненному опыту, я также знаю, что с философской точки зрения, этот женский орган может завести мужчину в невероятную даль, погрузив его на глубину, порой, похлеще самой глубокой жопы.

Художник, Натурщица и Кобель

Давно я знаком с одним художником. Было время, общались с ним весьма плотно и длительно, но потом всё реже и реже. Теперь по телефону с днём рождения раз в году поздравляю. Дом ему помогал строить, нулевой цикл, невероятной высоты потолки, его же росписью, обшивать. А он мне ремонт квартиры, тоже потолки, только обоями обклеивать, да и многое другое. Но память добрую о нём храню, надеюсь, и он обо мне тоже.

Однажды ехал Художник по городу на своих «Жигулях», тогда рядовой народ доступ имел только к «Жигулям», «Москвичам», да «Зпорожцам», и голоснула его молодая красивая девка, оказавшаяся ему по пути. И пока вёз её, слово за слово, туда-сюда, познакомились, представился он ей, что художник, она про себя тоже чего-то там нагрузила, а когда привёз, куда ей надо было, денег брать не стал, но предложил ей побыть у него натурщицей, дескать, ищет он натуру обнажённую, а она, видится ему, очень соответствует его художеским представлениям и будоражащим его идеям. Продиктовала она ему номер своего телефона и расстались на том.

Через недолгое время позвонил он по номеру и девка предложила встретиться на её территории, продиктовала адрес, договорились о дне и часе. Собрав в свой этюдник всё необходимое, приехал к назначенному времени по указанному адресу. Дом оказался старой добротной постройки в центре города. Квартира огромная, многокомнатная, с большим холлом, просторными комнатами, с высокими потолками, паркетом на полу. Хозяйка, согласившаяся побыть натурщицей, встретила работника высокого искусства не одна, а с телёнком-кобелём, догом, который в росте чуть-чуть уступал нашим героям. Девка кобелю объяснила, что гость, типа, свой, а Художника попросила его не бояться. После представления их друг дружке, кобель обнюхал пришедшего, а тот смирно, еле дыша, процессу знакомства с кобелём не противился. Далее молодая красавица провела Художнику экскурсию по квартире, ряд комнат которой оказались смежными и завязанными между собой в кольцо. Кобель молча везде следовал за ними. В одной из комнат, поинтересовавшись устраивает ли Художника интерьер, количество света, и прочие важные для него нюансы, наконец, в каком месте, как и в какой позе он видит её, предложила ему здесь и располагаться, а сама удалилась в соседнюю комнату, чтобы привести себя в образ натурщицы. Кобель остался с Художником, улёгшись, поодаль от него, на пол, внимательно следил, как тот разворачивал и устанавливал свой этюдник,

доставал свои игрушки: тубики, кисти, баночки и прочее, всё, что полагается живописцу для творческой работы.

И вот в комнату вошла обнажённая натура и заняла обговоренное место, приняв нужную позу, правда, позу пришлось несколько минут уточнять, то так, то сяк, то эдак, то опять сяк. Художник при этом отметил про себя, что девка красива не только лицом, а так же, что она абсолютно раскрепощена, держится свободно и без тени смущения. А надо бы уточнить, что разница в возрасте у них была существенной, Натурщица Художнику годилась в самые младшие дочери. И вот работа закипела. Собственно кипела работа только у Художника, а Натурщица сидела молча, почти не двигаясь. Кобель тоже лежал, не меняя позы, разве, что только водил своей огромной башкой, следуя глазами за несущественной амплитудой перемещений рук Художника. Обнажённый статус тела Натурщицы, конечно же, располагал к раслабке и она временами погружалась в дрему. Художник продолжал вдохновенно работать и, если голова Кобеля ходила из стороны в сторону, следя за его руками, то голова Художника ходила вправо-влево, часто и быстро перемещая его глаза с Натурщицы на холст, с холста на Натурщицу.

Постепенно Художник подошёл к тому этапу работы, когда ему необходимости бросать свой взгляд на обнажённую натуру становилось всё меньше и меньше. Возможно, Натурщица заметила это, а может быть, просто устала сидеть в малоподвижной позе, но она сладко потянулась, зевнув, и поинтересовавшись у Художника, не желает ли он снять напряжение, предложила сделать перерыв. Художник же не останавливаясь, боясь упустить вдохновение, продолжал писать, но, воспользовавшись правом старшего, зачитал молодой Натурщице нотацию о том, что, дескать, нехорошо ей, молодой девушке, первому попавшемуся на её пути, можно сказать, незнакомому мужчине, предлагать снимать напряжение. Девка молча выслушала нравоучение, ещё немножко попозировала и, видя, что Художник больше увлечён своим произведением, чем её натурой, спросила, может ли она встать и ненадолго отлучиться. Художник не возражал. Натурщица встала и покинула студию. Кобель остался на своём месте охранять Художника.

Через некоторое время голая Натурщица вернулась, но через другую дверь, подошла к усердно трудящемуся Художнику и постояла возле него, любуясь собой в его работе, и вновь удалилась из комнаты. Художник продолжал быстро самозабвенно работать над этюдом, руки его мелькали от палитры к холсту, от холста к палитре, то набрасывая краску и размазывая её, то стамеской в другой руке, снимая лишние мазки. Работа приближалась к завершению, а Натурщица всё не возвращалась. Художник позвал её. Тишина. Позвал громче. Не

отзывается. Оторвавшись от полотна, он пошёл на её розыски через ту дверь, в которую Натурщица удалилась. Кобель поднялся с пола и двинулся за ним следом. Вдвоём они обошли всю квартиру, Художник, заходя в очередную комнату, звал Натурщицу, Кобель шёл за ним молча. Натурщицы нигде не было. Художник обошёл квартиру несколько раз, заглянул в туалет, ванную, какую-то кладовку и понял, что девка исчезла. Холодная испарина выступила на лбу Художника. Трясущимися руками он быстро собрал свои манатки и двинулся на выход, Кобель за ним и, как только Художник попытался приблизиться к входной двери, Кобель, метнувшись в его сторону, оглушил его громким басистым:

– Гав!

И тут Художник ясно осознал, что попал он и конкретно, на его душе стало очень нехорошо. Но мужик он был не промах, повидал в жизни не мало, поработать пришлось много кем. Дорисую его портрет. Знаю, что в молодости пришлось ему побывать даже молотобойцем в кузне. Был он и заядлым рыбаком, в совершенстве владея спиннингом, свободно управляясь с донками и кружками. Но был он и следователем областной прокуратуры по особо важным делам. Работал в сборных выездных бригадах, раскручивая серьёзные обэхаэсэсные дела в других городах страны. Но увлечение живописью, в частности, древнерусской, а она представлена в большинстве своём, иконописью, привело его под монастырь и вынудило покинуть следовательскую работу.

Так вот, Кобель, после нескольких попыток Художника приблизиться к выходу из квартиры, доходчиво объяснил, что квартиру, пока они вдвоём, Художник не покинет и будет съеден уже на подступах к её порогу. Художник, быстро справившись с первоначальной паникой, отправился на кухню, взял там табурет и расположился на нём в холле на максимально близком расстоянии от входа, которое ему позволил Кобель. Все двери из комнат в холл, Художник оставил открытыми. Кобель улёгся перед Художником на его пути к выходу. Так сидел один и лежал другой долго. Кобеля очень нервировало малейшее шевеление Художника, поэтому он старался сидеть смирно. Кобель, отлежав бок, не выдержал первым, поднялся, понюхал Художника и не спеша пошёл в соседнюю комнату. Художник не выдержал вторым и только приподнялся с табурета, как Кобель в мгновенном прыжке с оглушительным «Гав!», вновь оказался у его ног. И опять долгое, нудное, смирное сидение на табурете.

Наконец, Кобель поднялся второй раз, обошёл, сидящего на табурете Художника, и опять медленно двинулся в комнату. Художник продолжал сидеть, не только не шевелясь, а даже еле дыша, больше наблюдая за Кобелём не поворотом головы, а краем глаз. Даже, когда ему показалось, что Кобель отошёл на достаточно большое расстояние,

он продолжал сидеть, не шевелясь и рассчитывать свои дальнейшие действия. Понимал, что проиграть не имеет права. Оценил, что дверь в комнату, в которую отлучился кобель, открывается наружу, то есть, в холл, а значит, захлопнуть её будет легче, нежели бы она открывалась в комнату.

Художник взлетел с табурета и в прыжке к двери мгновенно захлопнул её, отделив холл и себя в нём от комнаты с Кобелём. Но тут же, услышав громкое «Гав!», от дикого удара с обратной стороны дверного полотна, чуть не отлетел назад в холл, при этом дверь приоткрылась и в щель проникла, теряющая слюни, морда разъярённого Кобеля. Инерция сил, приложенной Кобелём к двери с одной стороны, и, прикладываемой к ней же, но с другой стороны Художником, поменялись и дверь вновь захлопнулась. Началась изнурительная борьба за открытие-заккрытие двери, сопровождаемая жутким гавканьем. Малейшее послабление со стороны Художника и дверь сразу же, под давлением Кобеля, начинала приоткрываться с неизменным просовыванием в щель его яростной морды. Новая мобилизация сил Художником и Кобель уступал, дверь закрывалась.

И тут Художник с ужасом понял, что дверь без какого-либо замка или защёлки и зафиксировать свою победу ему просто нечем. Его мозг работал лихорадочно. Вспомнил, что в этюднике лежит стамеска. Однако этюдник стоит возле табурета и рукой до него не дотянуться. Это стало ясно после нескольких попыток, которые, чуть было, не привели к победе Кобеля. Художник, перенося упор на ногу, подпирающую дверь, и, помогая ей всем торсом, пытался дотянуться до этюдника другой ногой, чтобы подгрести его к себе поближе. Но каждая такая попытка сопровождалась приоткрыванием двери и появлением в щели, захлёбывающейся морды Кобеля. И всё-таки приспособившись, Художнику удалось своей ногой уронить этюдник набок, что сделало его ближе и, в конце концов, подцепив, кончиком вытягиваемой стопы, за ремень подтянуть его к себе.

Продолжая удерживать, ходящую ходуном, дверь, он открыл этюдник, извлёк из него стамеску и, что было силы, загнал её лезвие в щель между паркетными клёпками у самого нижнего края двери, допустив узкую щель в дверном проёме, которая, под неослабевающим напором истерящего Кобеля, несколько расширилась вверх. Ещё не веря своей победе, Художник лихорадочно собрал, рассыпавшуюся из этюдника мелочь и рванул прочь из квартиры.

Больше Художник Натурщице не звонил и с ней не встречался. Мне же свою работу показал. Мне понравилась, Натурщица красива.

Буся и её жених

У моей двоюродной тётки, Томочки, которая была на пару лет младше меня, личная жизнь, имею в виду супружескую, из-за слабого её здоровья, не сложилась, но жизнью она жила весьма кипучей. Будучи неслабым специалистом по очистным сооружениям металлургических производств, ездила в командировки по всему Советскому Союзу, жила сначала со своей старшей сестрой, потом одна, затем растила и воспитывала свою племянницу и кошку Бусю.

Жили они на седьмом этаже в малогабаритной двухкомнатной квартирке чешского проекта. Из большей комнаты был выход на двухквартирный балкон, разделённый бетонной перегородкой пополам, вторая половина балкона за перегородкой относилась к соседней трёхкомнатной квартире.

Буся была серо-полосатой балованной кошкой, не знавшей улицы, не ведавшей о существовании себе подобных особей, зацелованной Томкой и подростком племянницей во все места, какие только возможно. Взяли они её на воспитание ещё котёнком и, когда она половозсозрела, дожив до своей первой течки, Томка поняла, что вторую её течку уже не переживёт. Буся орала дурным голосом, стонала, извиваясь на полу, подползала к ногам воспитательниц, оттопыривая свой хвост и подставляя воспалённый любовью зад, предлагала воспитательницам безотлагательно и по полной удовлетворить, до сих пор неизвестный ей, зов природы. Томка, пытаясь облегчить страдания Буси, по совету знакомой, напоила её пустырником и, чуть было, не избавила кошку от сих страданий навсегда. Плача мне в трубку телефона, пыталась сквозь сморкания выяснить, чем спасти Бусю, теперь уже от пустырника. Так Буся была познакомлена с ветеринарами, которые примитивно её кастрировали.

И вот однажды Томка, будучи дома одна, поралась на кухне, Буси рядом не было, под ногами не крутилась... Вдруг до Томки дошли какие-то посторонние звуки, бросив кухонные дела, Томочка отправилась на них, заходит в комнату, а там, как говаривал Давид Маркович Гоцман, картина маслом. Посреди комнаты сидит Буся, напротив неё кот и они, лениво перекидывая со стороны на сторону свои хвосты, мило между собой разговаривают. Муркнет кот, отмуркнется ему Буся, муркнет Буся, отмуркнется кот. Первая реакция Томи была шоковая: откуда кот?! Кот оказался соседским, пришедшим по деревянным перилам общего балкона, в гости из трёхкомнатной квартиры, а Томина балконная дверь была приоткрыта, дескать, добро пожаловать. Желая защитить и спасти

свою ненаглядную, хоть и кастрированную, Бусю, малоопытную, доверчивую, ещё не видавшую жизни, от всяких не пойми что соседей-кобелей, у которых, как известно, только одно на уме, Томка пресекла несанкционированное свидание и вернула незваного гостя за бетонную балконную перегородку хозяйке-соседке Людмиле. Кстати, попытка её котёка найти приключения на свою задницу, связавшись с неведомой, наверняка, ветреной, непутёвой кошкой, тоже не понравилась, о чём ему и было сделано внушение тут же при приёме из Томочкиных рук. Однако, кот, узнав о существовании Буси, стал регулярно посещать её, переходя по узким деревянным перилам со своей половины балкона на соседнюю. При этом он настолько обнаглел, что стал доедать из Бусиной мисочки, чего она там, возможно, даже специально, ему оставила. Хозяйка кота, Людмила, приняла решительные меры и забаррикадировала перила перед торцом бетонной перегородки. Но разве существуют непреодолимые преграды для любящих сердец?! Кот всё равно продолжал приходить к Бусе. Ни Томочка, ни Людмила не могли понять, как ему это удаётся?!

И однажды Дон Жуан был застукан. Кот, рискуя жизнью, вцепившись когтями передних лап, в деревянные перила своей части балкона, повисал над семиэтажной забалконной пропастью и, перебирая лапами, миновав забаррикадированный участок, подтягивался на лапах, возвращаясь на перила Бусиной половины.

Однажды бедняга, жертва любви, сорвался, очевидно, ушибся и, как и Буся, не знавший улицы и дороги назад, был подобран под домом хозяйкой Людой перепуганным и несчастным. И всё равно ведь продолжил, тем же способом, приходить на свидания к своей возлюбленной, пока не сорвался с балкона второй раз, ушибся сильнее, болел, выжил и вынудил хозяйку Люду совершить обмен квартиры.

Ужин не отдам, тем более врагу!

– Мы займёмся арифметикой... У вас в кармане два яблока...

Буратино хитро подмигнул:

– Врёте, ни одного...

– Я говорю, – терпеливо повторила девочка, – предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

– Два.

– Подумайте хорошенько.

Буратино сморщился, – так здорово подумал.

– Два...

– Почему?

– Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись!

(Алексей Толстой)

«Завтрак съешь сам, обедом поделись с другом, а ужин отдай врагу». Да ни в жизнь я не отдам свой ужин врагу, хоть он дерись!

«Нельзя есть на ночь» – придумано людьми, незнающими нормальной физиологии. Кровь по организму циркулирует не одинаково-равномерно, а всё время перераспределяется между разными системами органов. Тяжело работаем – на мышцы, сильно думаем – на мозг, горячо любимся – на половые органы, вкусно принимаем пищу – на желудочно-кишечный тракт. Естественно, при этом кровоснабжением «обижаются» другие системы и органы, менее задействованные в данный момент в работе. Если мы нагрузили пищу пищеварительный тракт, то кровь в организме бросается на пищеварительный тракт и её меньше поступает в мышцы, в мозг. Поэтому народная мудрость и гласит: «Сытое брюхо к науке глухо»... После еды человек уже не работник, ибо у мышц отбирается кровь, да и в мозгу из-за этого побеждают процессы торможения.

Кому не ведома ситуация, когда у некоторых мужчин, встретивших на своём жизненном пути, ту или иную женщину, напрочь отключаются мозги. А всё потому, что кровь в их организме приливает к половому члену и, в частности, к его головке, естественно, отливая от головы, то есть, от головного мозга. Особенно это хорошо видно у мужчин в возрасте, когда из-за атеросклеротических проблем их мозг и без того подвержен проблемам с кровоснабжением.

Гляньте на животных, у них же нет диетологов и доцентов с кандидатами. Ими движет природа. Что делает удав, проглотив кролика – спит; а лев, нажравшийся антилопой – спит; корова, набив себя травушкой, падает на лугу и дремлет, пережёвывая. Я это видел, когда в десятилетнем возрасте приходилось, помогая деду, быть в роли подпаса.

Спаниеля мы как-то должны были отвести на вязку, и перед выходом из дому жена начала его кормить, кстати, эта дрянь предпочитала есть из ложки. Джим жрёт с аппетитом, а я сзади стою с поводком, смотрю и думаю: «Если бы меня так накормили, никакая тётка мне бы была не нужна, – но промолчал, подумав в адрес жены, – голодный собак, лопают, что за ушами трещит, корми».

Пришли на вязку – побегал наш Джим вокруг, предлагаемой ему в жёны, обметил вокруг неё территорию и пошёл домой и только, на другой день, когда повели его к той же суке голодным, мгновенно заделал ей семь прекрасных спаниельчиков.

Поэтому не берите себе дурного в голову, не слушайте учёных, особенно британских, а только лишь свой организм.

Всего Вам хорошего и вкусной, но не тяжёлой еды на сон грядущий!

Контактная информация авторов

Татьяна Воронова	<i>invisible2editor@gmail.com</i>
Регина Зайнуллина	<i>regina020284@mail.ru</i>
Елена Чурсинова «Елена Кёрн»	<i>alena-ch@list.ru</i>
Валерий Ларичев	<i>lavabor@gmail.com</i>
Игорь Вайсман	<i>t-lev66@yandex.ru</i>
Ольга Ануфриева «Егор Александров»	<i>helga_nelsan_@mail.ru</i>
Наталья Зарубина «Адарина Наталья»	<i>dimaszar@yandex.ru</i>
Наталья Каратаева «Наталья Мейн»	<i>karataevameindova@yandex.ru</i>
Вадим Мальцев	<i>vadimmaltcev@yandex.ru</i>

Сборник прозы

«Сокровенные мысли»

Выпуск 27

Все права на произведения принадлежат
исключительно их авторам.

Составитель-редактор:
Независимое Издательство «Первая Книга»
www.перваякнига.рф